

АЛЕКСАНДР ПАНОВ

ЧЕМПИОН

АЛЕКСАНДР ПАНОВ

ЧЕМПИОН

РАССКАЗЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

ЯРОСЛАВЛЬ
ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1983

Рецензент Э. П. ЗОРИН,
член Союза писателей СССР

П16 **Панов А. С.**
Чемпион: Рассказы для детей млад. школ, воз-
раста. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1983. —
103 с.
20 к.

Рассказы владимирского писателя о пионерских делах, о чувстве товари-
щества, о воспитании коллективизма.

П 70802-045 40-83 4803010102
M139-(03)-83

P2

© Верхне-Волжское книжное издательство, 1983.

ЧЕРНЫЕ РОЗЫ

Небо, обычно голубое или синее, в это утро было почти красным и будто горячим. Стояла тревожная тишина, только какая-то птичка в нашем палисаднике торопливо попискивала: «Пить хочу, пить хочу». Ни капельки росы не осело на траву, она сухо шелестела под ногами.

Я открыла дверцу пришкольного участка и подошла к крану. Воды опять нет! Мне хотелось заплакать, я прижала ладони к лицу. Все зеленое погибало: вяли цветы, засыхали черные розы. Опустилась на колени, ощупала один кустик, другой... Листья уже сникали. Я разгребла землю, хотелось ощутить влагу, но земля была сухая, жесткая. Посмотрела в сторону водокачки, видневшейся на окраине поселка. Что-то случилось с насосом, и вот уже несколько дней нет воды. Для питья и умывания возят воду в цистерне из другого отделения совхоза.

Что же делать? Нас теперь осталось мало, всего семь человек. Остальные юннаты уехали в межсовхозный лагерь. Вернутся и скажут: «Розы погибли. А мы-то надеялись на вас».

Собрались девочки. Расселись в кружок. Стали думать, как

спасти черные розы. Ведь во всем районе только у нас они есть. Нам их прислали самаркандские мичуринцы. А Рая не утратила, написала в районную газету о том, что мы выращиваем черные розы. И получила письма с просьбой выслать осенью саженцы. Из соседних совхозов приезжают смотреть наши цветы. И вот теперь, на глазах у нас, они пропадают.

— Кто что предлагает? — спросила я. Девочки молчали, переглядываясь.

— Придется воду с речки носить, — предложила я неуверенно, зная, что совет был почти нелепым. Надя тут же воскликнула:

— Да ты что! Наверно, километр шагать?

— Метров триста и то не будет, — сказала Рая. — Но все равно далеко.

— Что предлагаете? Ждать, когда пустят водокачку? — спросила я.

Девочки вздохнули, не находя выхода, только носить им явно не хотелось. Будто для меня это было великим удовольствием! Но надо.

Ведер всем не хватило, и девочкам, которые жили поближе, я сказала, чтобы они побыстрее принесли у кого что найдется.

Вскоре стало очень тяжело, да еще дужка ведра врезалась в ладонь. Некоторые догадались подкладывать платок или тряпочку под дужку. Но мы почти бегали чуть ли не с полными ведрами, будто никакой усталости не чувствовали — не хотелось ударить в грязь лицом друг перед другом.

— Эй вы, огородники! — вдруг раздались насмешливые голоса над нашими головами.

— Не смешно! — крикнула Надя ребятам, сидевшим на развесистой липе. Она росла возле самой ограды.

— Отдохните, а то на носилках уносить придется.

— Свалитесь с дерева, вот мы вас и понесем!

Ох уж эта Надя, никогда не смолчит. Впрочем, она права: мальчишки нам ужасно мешали. Устроили на огромном дереве настил и сидят зубоскалят, посмеиваются. Сейчас их было трое: особенно дурачился самый маленький, черноглазый Митька — кукарекал и лаял по-собачьи. Остальные свистели и пели частушки. Я сказала Наде, чтобы она не отвлекалась — покричат и перестанут. Скоро ребята и в самом деле ушли, а мы продолжали поливать. Мы старались напоить землю досыта, но она была ненасытная. Шаг за шагом, медленно

продвигались мы вперед. И вот уже почти половина цветника и ягоdnика полита.

— А я не была уверена, — сказала мне виновато Надя. — Думала, о-о, сколько таскать придется... И ничего, половину одолели.

Духота стояла невыносимая. Хотелось пить.

— Девочки, на обед! — сказала я.

Мы стайкой побежали в школу, сели возле бачка с водичкой, развернули свертки с едой...

Но в этот день случилась еще одна беда. Когда мы вернулись, то были поражены увиденным: многие кусты клубники вырваны с корнем, но главное, не было самых лучших роз — черных.

— Что такое? — Надя бегала между грядок и повторяла в отчаянии одно и то же. — Что такое? — и вдруг разревелась, как первоклашка.

— Воры... Разбойники... — растерянно бормотала Рая.

И тут начали все девочки в один голос возмущаться.

— Участковому дяде Грише заявить!

— Надо караулить. Будем дежурить по очереди!

— А на ночь моего Бобика! Пятки пообгрызет!

— Не фантазируйте! — прервала я девочек. — Надо с ними серьезно поговорить.

— Попробуй с трусами: чуть чего — хвост подожмут и бежать, — безнадежно сказала Рая.

И вдруг девочки смолкли. На лице они увидели черноглазого Митьку. Ага, разведчик! Он подслушивает наши разговоры, а потом передает приятелям! Надя бросилась к дереву.

— Слезь, а то стащу!

Мальчишка притаился, чувствовал, что пощады ему не будет. Черные испуганные глаза поблескивали, следя за Надей. А она ехидно сказала:

— Ну ладно, раз так и мы так. Сиди дрожи... — взяла палку и стала спокойненько карабкаться на дерево.

— А я тебя спихну, — бормотал испуганно Митька. — Он хотел спрыгнуть на ту сторону ограды, но зацепился штаниной за сучок. Раздался треск ветвей. Мы не успели охнуть, как он растянулся на земле.

— Ой! — воскликнула пугливо Рая.

Мальчик тихонько поднялся и посмотрел на нас хитровато и настороженно, потирая колено.

— Сильно ушибся? — затревожилась Надя. — Может, ногу сломал? Или растянул?

Митька не ответил, прихрамывая, заковылял к ограде. Однако перемахнул через нее довольно ловко, не как ушибленный.

Мы не погнались за ним, не стали его больше ругать. Мы теперь догадались, что надо делать: пойти к мальчишкам домой.

Сначала мы решили заглянуть к Митьке: а вдруг он сейчас лежит и стонет. Может, это он при нас храбрился и не плакал от боли. И, когда узнали от бабушки, что его нет, даже обрадовались, значит, здоров! Пошли к заводице Сережке, и только мы открыли калитку — сразу увидели свои черные розы. Не три и не пять, а огромный букет в большой вазе стоял на деревянном столике под яблоней. Рая толкнула меня в бок.

— Смотри — наши! Самые лучшие!

Душа у меня закипела от возмущения. Стоят наши лучшие розы, может, никому не нужные: ну мать с отцом посмотрят и все. А мы-то их собирались показать на районной выставке. На них бы тысяча людей смотрела и любовалась!

Возле дома ребята мастерили складную лестницу. Здорово! Значит, готовят новое нападение, теперь уже с помощью техники. Высокий, чубатый Сережка деловито поучал остальных троих, а Митька задумчиво сидел в стороне и стегал прутиком по штанине.

— Добрый день, ребята! — обратилась я к разбойникам.

Если б видели вы эти удивленные и растерянные физиономии! Молчали, словно в рот воды набрали. Потом Сережка что-то шепнул Мите, и он, вроде бы так, между прочим, подошел к столу, закрыл собою вазу, подхватил ее, пряча за спину, и, пятясь, скрылся в доме. И, хотя у нас было горько на душе, мы, глядя на ухищрения мальчишки, рассмеялись.

Я оглядела двор: по краям его, вдоль ограды росли лишь золотые шары, и то выглядели худосочными.

— Почему только золотые шары сажаете? — спросила я.

— Мама их любит, — ответил, усмехаясь, Сережка.

— А вы любите черные розы, причем чужие, да? — язвительно произнесла Надя.

Я шепнула Наде, чтобы не кипятилась.

— Скучно у вас во дворе, — продолжала я. — У других-то, видите как, кругом цветы.

— Как будто не знаешь, что они недавно переехали в этот дом, — вступился за Сережку Митя. — Подожди, и у них всяких будет полно.

— Если хотите, мы вам любых семян дадим, — сказала Рая.

— И саженцев черных роз дадим, — сказала я.

— Знаем, как дадите! — воскликнул Сережа. — Попросил, так Надя фыркнула, мол, самим мало.

— Неужели это правда? — я повернулась к Наде. Она вся зарделась.

— Мы только начали их тогда разводить, — пролепетала она. — Если бы у них розы не выросли, что бы они сказали? Мол, нам дали плохих. За ними же надо ухаживать. А Сережка, Митька, да и все они, мальчишки, страшно безалаберные.

Значит, правда: Надя отказала ребятам! Ну мы с ней еще поговорим. Я дала честное пионерское, что дадим ребятам саженцы черных роз.

— Обязательно дадим! — поддержала Рая. — Мы же другим совхозам обещали, а уж своим ребятам... Да что говорить, в своей деревне всем дадим, пусть в каждом доме будут черные розы. Вот здорово!

Вижу, Митя нам, кажется, поверил, а Сережка махнул рукой.

— Болтайте... — оглянувшись на свой дом, он торопливо сказал: — Если жаловаться пришли — дома никого нет. Прощайте, нам некогда, вы нам мешаете.

— А вы нам нет? — опять не удержалась Надя.

На крыльцо вышла мать Сережки, в стареньком платье, с белыми пятнами от извести. В руках у нее была щетка для побелки. И я подумала: лучше бы матери помог, чем лазить к нам за цветами.

— Пойдем, что ли, — с решительным видом потянула меня за рукав Надя. — Расскажем, пусть под горячую руку попотчует воров.

— Ну хватит вам! — вдруг умоляюще произнес Митя. — Возьмите свои розы. Мы больше не придем... Честно.

Мать подошла и с недоумением посмотрела на нас. Наверно, по нашим невеселым лицам догадалась, что мы не с приветом сюда пришли.

— Что случилось, девочки? Иль ребята что натворили?

— Они юннаты, цветы сажают, — опередил нас Митя.

— Ах, — женщина заулыбалась. — У вас-то я видела — райский уголок? А у меня что-то не идут цветы... Так это вы дарите нашим шалопахам клубнику, розы? Спасибо! Хорошо помню, какой букет они прошлый год учительнице подарили, наверно, тоже ваш?

— Слышишь, — зашептала мне Надя. — Оказывается, это они нас ограбили тогда.

У меня не укладывалось в голове: неужели они подарили учительнице краденые цветы? Если бы она это знала!

Мы молчали. Мать перестала улыбаться, она догадалась, какие цветы приносят сюда ребята и какие они подарили учительнице.

— Сорвали без спроса? Вместо того чтобы дарить девочкам цветы, они воруют у вас! — мать схватила прут, с которым провожала корову в стадо, подбежала к сыну, но он спрятался за спину Мити и досталось прутиком ему. На загорелой руке проступил красный рубец. Мать еще пуще рассердилась и попало бы Сережке здорово, если бы не Надя, потому что мы с Раем настолько растерялись, что слово не смогли вымолвить.

— Тетя Даша, не надо! — закричала она. — Не волнуйтесь! Мы им подарили! Они нам помогали поливать, и мы им... Они обещали всегда помогать.

Конечно, это была неправда, и мы почувствовали себя гадко. Уходили и чувствовали, как мальчишки растерянно смотрят нам вслед.

Мы вновь принялись за работу. Не знаю почему, но мы потихоньку друг от друга поглядывали на дерево. И вот опять появились там черные, беспокойные глаза... Вон рыжий чуб... Еще и еще... Сколько их забралось на липу! Они облепили ее, и она будто наклонилась в нашу сторону. Мы работаем, а они смотрят на нас.

— Не обращайтесь внимания на мальчишек, — шепчу я. — Работайте.

И вдруг с дерева прыгают мальчишки... Они падают, как спелые груши. Осторожно обходя грядки, гуськом идут за Сережкой. Нам как-то не по себе. Кто их знает, этих мальчишек! Чего еще могут сотворить?

— Не обращайтесь внимания, — шепчу опять я. А сама выпрямилась и спокойно смотрю на них.

— Разрешите? — вежливо говорит Сережа и берет из моих рук ведро. Остальные хватают ведра у других девочек.

— Что же теперь делать? — спрашиваю я девочек.

— Ты староста, ты и решай, — сказала Рая.

Мы расступаемся и даем дорогу мальчишкам. Они, веселые, загорелые, бегут с ведрами, бегут за водой...

НЕСДЕЛАННЫЙ ПОДАРОК

Однажды Костя вбежал в пионерскую комнату и протянул своему другу Володе лотерейный билет и газету.

— Выиграл! Часы! Часики! — удивленно, словно сам себе не веря, говорил он. Володя внимательно просмотрел газету и билет: верно, серия и номер совпадают.

— Только один за тридцать копеек взял и — пожалуйста, — продолжал удивляться Костя, но вдруг постукал себя пальцами по голове. — Ой, вспомнил, я же вообще везучий, теперь накуплю билетов, целых десять!

— Дело твое, — сказал наставительно Володя. — Но особенно не надейся. Сколько мама покупала по три билета, и хоть бы раз повезло.

— А я на всякие игры везучий, — опять заверил Костя. — В пионерском лагере на аттракционах хоть чего-нибудь да добьюсь. В мешке первым прибежал, ножницами вслепую обязательно нитку срезал с книгой или расческой. А теперь с часами буду.

— Ну, что ж, носи на здоровье, — сказал Володя.

— Когда тебе потребуется — дам поносить хоть на неделю, — сердечно пообещал Костя.

Новому другу ему хотелось угодить, ничего для него не жалко. Костя недавно в интернате, а Володя чуть ли не с первого класса. Был он общительным и умел со всеми ребятами дружить. И если он кому делал замечание, на него не сердились. А вот Костя попробуй по справедливости что-либо высказать соседу по парте Орлову — тот сразу возмутится: мол, без году неделя в интернате, а уже начинаешь поучать, свои порядки наводить. И Косте наверняка туго пришлось, если бы не Володя. Первое время Костя сторонился и ребят, и учителей, чувствовал себя чужаком, не мог привыкнуть, что постоянно приходится быть на виду. Казалось, что ему

не доверяют, следят, как бы чего не натворил. А тут еще неудачный сосед попался, Андрей Орлов, все присматривается к нему, словно ждет, что Костя сотворит какую-нибудь пакость. Однажды он увидел Костю в городе со старым другом Федькой, задержал взгляд на его потертой курточке и мятых брюках, сказал:

— Чего шатаешься по городу? Идем в интернат!

И недоброжелательно посмотрел на Федьку. Ну что было делать? Дратся с Орловым, чтобы не позорил перед другом? Ведь Костя только что нахваливал интернат и ребят, какие они дружные. И надо было именно Орлову попасться на глаза. Теперь Федька подумает, что в интернате все такие. Стерпел Костя, ничего не сказал, взял под руку Федьку и пошли они прочь от Орлова.

— Струсил, да? — закипятился Федька.

— Не хочу связываться, — ответил Костя. — Он у нас один такой нудный на весь интернат.

Вечером Андрей при других ребятах завел с Костей разговор:

— Зачем дружишь с кем попало? Еще раз увижу — уйдешь с моей парты, понял?

Огорчился Костя: какой бы ни был старый друг — хороший или плохой — расставаться с ним не хотелось. К тому же новых друзей здесь он пока не завел.

— Он не шпана, а мой друг. А ты вот не можешь быть моим другом.

— Твой-им? — иронически протянул Орлов. — Верно, твоим другом — не хочу быть. Знаешь, есть пословица: скажи кто твой друг, я скажу — кто ты, понял? Думаешь, у меня не было таких дружков, как твой? Отвадил я их.

— А может, напрасно отвадил? Дружками не разбрасываются, — Володя подошел к Косте. — Не унывай, садись ко мне за парту, повеселей будет.

С этого дня Костя с Володей стали неразлучными. Уроки делали вместе, в столовой сидели рядом. Иногда по вечерам друзья уединялись и мечтали, кто кем будет. Костя — летчиком, Володя — сталеваром. Интересно, что летчиками в их классе хотели стать многие, а сталеваром лишь Володя. Почему сталеваром? По рассказам Володи выходило, что это редкая и бесстрашная профессия. И очень большая в ней точность нужна, чтобы сварить высококачественную сталь. А если

делать еще и скоростную плавку — это все равно, что у летчиков высший пилотаж. Про летчиков вообще-то много написано, и в кино, и по телевизору про их жизнь рассказывают. А вот про сталеваров все же маловато книг и фильмов. Теперь Костя с интересом стал смотреть киножурналы и фильмы про заводы, где работают сталевары. Нравились Косте их большие очки, брезентовые робы, шляпы. Он видел, как ловко они действуют у искрящихся печей, откуда льется огненная лава в ковши... И однажды Костя сказал другу: «Я тоже пойду в сталевары. Твердо решил».

Как-то Володя спросил:

— Почему ты не в комсомоле?

Смутился Костя, но юлить не стал:

— Были у меня заскоки... Не похващаешься.

Володя положил ему руку на плечо:

— То, что было, постараемся забыть. Я дам рекомендацию.

Володя проводил друга до ворот интерната.

— Собрание в полшестого, — строго сказал он. — Смотри не задерживайся.

— Я мигом. Раз-два, и обратно, — заверил Костя.

Надо идти широкой асфальтовой улицей. Обычно Костя ходил по ней тихо, вразвалочку, внимательно разглядывая витрины. Но сегодня он торопился. Скоро он наденет часы. Придет домой, и все соседи увидят — Костя-то при часах. «Да, серьезный стал наш Костя, не то, что бывало раньше», — подумают они. Раньше он считал соседей скучными людьми, только и знали, что ворчали, а теперь они приветливо заговорят с ним, даже пригласят в гости. Костя с гордостью расскажет о своем интернате, о том, как неожиданно изменилась его жизнь...

Розовый весенний вечер озарял город. Густой снег, выпавший ночью, растаял от дерзких лучей солнца. Возле универмага Костя неожиданно увидел своего давнишнего друга. Месяца два они, наверное, не виделись.

— Федька! — крикнул он, боясь, что приятель скроется в потоке людей. Федька оглянулся и не спеша подошел к товарищу. Он некоторое время молча критически разглядывал приятеля, и Костя уже пожалел, что встретил Федьку. Ему очень хотелось рассказать товарищу о том, как хорошо он живет. Но насмешливые глаза Федьки напомнили ему непри-

глядное прошлое. Ведь это они с Федькой когда-то сломали молодую яблоню в саду старика-соседа. Ведь это они с Федькой разбили окно у одинокой женщины за то, что она обозвала их хулиганами.

— Недавно подходил к интернату. Позвал, а ты смылся в подъезд, — злобно сказал Федька.

— Я не видел тебя, честно говорю, — ответил Костя.

— Ври! Прячешься от меня, знаю. Зазнался.

И верно, Косте теперь все реже хотелось видиться с другом. Но не потому, что Костя зазнался. Теперь он стал замечать в Федьке неприятные черты: то он злился, ехидничал, то был вкрадчивым и явно хитрил. Можно ли с таким дружить? К тому ж говорить было не о чем — совсем разные они теперь стали. Однако все же почему-то жалко Федьку: какой-то он растерянный и недоверчивый.

— Что делаешь? — только и нашелся спросить Костя.

— Гуляю, сам видишь. А ты?

— Я хорошо живу. Вот часы выиграл.

— Часы! Ну ты даешь! Покажи-ка свой лотерейный билетик, не ошибся ли?

Разглядывая билет, он бормотал:

— Скажи... часики. Гм, подумаешь, часики... А ты точно проверил? Учти, если разряд не совпадет — дырку от бублика получишь, а не часики. Рубль дадут, понял?

— Сто раз проверяли.

Федька вернул билет и задумался:

— Подумаешь, часики! Что у вас в интернате — на стене их нет? А ребята будут завидовать, учти. Даже лучший друг и тот завидовать будет. А потом еще неизвестно, сколько ты их проносишь. Только и будешь трястись, как бы что с ними не случилось. Летом, скажем, забылся, бултых с часами в реку, и все — выбрасывай, позеленеют, заплесневеют. Да и вообще, станешь бороться или в футбол играть, упал — и трык, пропали «сколько время». Подумай, я добра желаю. Недолго пофасонишь. И тяпнуть могут. Положишь на ночь в тумбочку и — уплывут. Будешь спать с часами? А в душ пойдешь? Это же минутное дело, сам знаешь. Не советую, как лучший твой друг детства не советую. Подумай.

— Ну, ты всегда распишешь...

— Смотри, как хочешь. Даю честное слово — через неделю не будет их у тебя: или тяпнут, или расколешь. Подростем вот,

получим паспорта — тогда будешь солидным, тогда без часов нельзя. Некультурно, несамостоятельно без них. Эх ты, Костя, — сказал грустно Федька, — послушай раз в жизни меня...

— Глаза его вдруг забегали, и он с воодушевлением продолжил: — Погляди на себя, одет ты прилично, а ты о матери подумал, пижон несчастный! Ты бы лучше матери подарок купил, подумай, как она обрадуется. Может быть, мама даже не поверит, что это ты, Костя, даришь ей. Потому что мы черствые, никогда не думаем, что маме было бы очень приятно внимание сына.

Костя широко открытыми глазами смотрел на Федьку: до чего же прав Федька! Пусть мать обрадуется. «Вот тебе подарок, мама! Я же помню, ты хотела новую цветастую шаль... Я, мама, помню. Спасибо, мама, за все!»

А потом, когда она примерит платок, он скажет: «А теперь, мама, поздравь меня — я комсомолец!»

И Костя зашел с Федькой в сберкассу — получил деньги.

— Покурим, — предложил Федька, когда они вышли.

— Не курю.

— Ого! — Федька недоверчиво покачал головой. Сняв фуражку, он извлек оттуда помятую сигарету. С удовольствием затянулся и, задрав голову, выпатив губы, выпустил колечки дыма.

— Понимаешь, я подумал вот о чем. Конечно, хорошо бы матери шаль купить... Но потом еще раз подумал, собственно говоря, зачем ей шаль, нету, что ли? У всех женщин обязательно есть шаль, я это точно заметил.

— У мамы новой нет.

— Ну и чудак! Ну кто из сыновей матери дарит шаль? А вдруг не угодишь? Лучше купи ей хорошие духи. Женщины больше всего любят духи, понял? И денежки останутся, будешь при монетах, без них, знаешь, как скучно жить, совсем неинтересно, понял? А у меня по дешевке купи фонарь. Тебе без него никак нельзя. Я уверен, в интернате ни у кого нет. А ты — пожалуйста, вечером вжик и засветил. И тебе все завидовать будут.

— Скажешь тоже, и чего завидовать, подумаешь, невидаль — фонарь. Ты мелочный, оказывается, Федька.

— Не скажи, сначала погляди, — Федька распахнул пальто, и, покопавшись в кармане, вытащил помятый карманный

фонарь. — Новенький, если хочешь знать, классный, ни у кого такого нет.

Костя осмотрел фонарик и улыбнулся: не горит.

— Не может быть, все время светил как прожектор, за километр все видно было. Наверно, лампочка перегорела. Так и быть, своему товарищу почти задарма уступлю.

— Не валяй дурака, выброси, — посоветовал Костя. — Никому твой фонарь не нужен.

Спрятав фонарь, Федька хотел еще что-то предложить, но Костя взял его за локоть:

— Идем лучше шаль выберем, а потом поговорим.

Ребята подошли к прилавку. Продавщица подала Косте цветастую шаль с кистями. Он осторожно потрогал ее. Подумал: «Красивая и гладкая. Матери подойдет».

— Ну и платок! — презрительно протянул Федька. — Да в нем и летом замерзнешь. Не бери такой, Костя, разве такую шаль надо матери дарить? Подожди, пока настоящие привезут, пуховые, теплые. А эту вещь только на праздник одевать.

— Так я и хочу праздничную шаль, чтобы мама радовалась.

Косте было неудобно перед продавщицей за бесцеремонность товарища: его грязные пальцы, растягивающие шаль, раздражали Костю. Нечего обращать на него внимания, пусть выпишут чек.

— Она же маркая, — в отчаянии сказал Федька.

— Лишь бы матери понравилась.

Но оказалось, что на покупку не хватает денег. Нужно было еще три рубля. Что делать?

— Одолжи, если есть. В интернат придем — отдам, — обратился он к товарищу.

— Э-э, не выйдет, знаю, займы без отдачи, — Федька рассмеялся и заговорщицки подмигнул. — Идем на два слова.

За углом универмага он выгреб из кармана штанов три скорлупки — половинки от грецких орехов — и засушенный хлебный шарик.

— Хочешь в «орешек»?

— Эх ты, еще другом называешься, — отпрянув от Федьки, крикнул со злостью Костя.

«Что делать? Займу у своих ребят», — решил он. И вдруг вспомнил слова завуча: «Рассказывайте товарищам о своем интернате, о том, как вы живете». Уйдет сейчас Федька

и будет болтаться где-то... Костя обернулся. Заложив руки в карманы пальто, Федька брел следом за ним. И опять жалко ему стало Федьку. Костя остановился.

— Идем посидим где-нибудь, — дружески предложил он.

— Посидим, — обрадовался Федька.

— Пломбир хочешь?

— А как же, приятная штука.

Купив мороженое, они прошли в сквер и сели на удобную скамейку. С мороженым Федька расправился довольно быстро.

— Ты по-ударному, — удивленно заметил Костя.

— Между прочим, вкусное. — Федька поглядел просительно на друга, подмигнул. — А не мешало бы еще.

Косте вдруг тоже захотелось еще, но, экономя деньги, он взял мороженое только приятелю.

Надвигался вечер. Сквер окутали морозные туманные сумерки. Костя обдумывал, с чего начать серьезный разговор.

— Смотрю на других — живут с интересом. А ты...

— Что — ты? — нахмурившись, ждал продолжения Федька.

— Мы и трактор изучаем, и автомобиль. И столярная мастерская есть. У нас пятнадцать разных кружков. Как встанем утром — и все время заняты, все время дела, и день как минута пробегает. И одежду нам дают, и постельные принадлежности, питание — есть не хочу. Не успеешь оглянуться — уже надо идти в столовую. Первое, второе и компот или какао и прочее. Книг сколько хочешь, только читай. Ребята все хорошие, свои. В кино ходим, в театр ходим, в музей, на лекции. Чувствуешь себя человеком.

Федька ухмыльнулся.

— Подумаешь, а я разве не человек?

— Нет! — Костя уверенно покачал головой. — Укого хочешь спроси, скажут: нет. А ты учишься — хуже некуда. И вид какой у тебя? Наверно, никогда не улыбаешься, волосы растрепаны. Эх ты! Хочешь, с директором поговорю насчет тебя?

Между тем Федька расстелил на лавочке газету.

— Ладно, поговоришь с директором, поступишь в твой интернат. А пока давай разок сыграем. Риск есть риск, — Федька настойчиво заглянул другу в глаза. — Чудак ты! И чего трусишь? А еще в летчики хочешь. Я подумал и согласен с тобой: для твоей матери шаль — первое дело. Я тоже когда-нибудь куплю матери шаль, — вкрадчиво наговаривал Федька. — Выиграешь — и беги шаль покупать. Вот мать-то обрадуется! Ух, радость какая будет!

Костя в нерешительности поглядывал на скорлупки в руке Федыки.

— Не трус, счастливый человек! Рубль ставишь — два возьмешь. На сколько идешь?

Костя нащупал в кармане деньги. «Выиграю трешку и не буду больше. Только трешку. Я же везучий». Трепетно забилося сердце.

— Сыграем, — вымолвил неохотно Костя, чувствуя, как приходит к нему уже забытый азарт.

Переставляя скорлупки, Федька то одной, то другой рукой прикрывал хлебный шарик. Костя зорко следил за скорлупками, бегавшими в руках Федьки. «Один раз, один раз поставлю», — билась назойливая, горячая мысль. Казалось ему, что в эту секунду он переступает страшный порог, за которым опять будут слезы матери, сердитые взгляды соседей — все то, от чего в последние месяцы он ушел навсегда.

— В этой бери, в этой не бери... в какой? — монотонно, скороговоркой произносил Федька.

— В этой! — закричал Костя и прижал скорлупку пальцем, боясь, как бы Федька не успел переменить. Когда Костя приподнял скорлупку, под ней шарика не оказалось. Федька ехидно улыбнулся.

— Ничего, счастливый человек, сейчас повезет... Внимание прежде всего.

Костя уныло вытащил из платка пять рублей, остальные туго завязал в узел и положил в карман. «Проиграл! Лучше бы на мороженом проел!» Теперь он уйти не мог. Он должен отыграться. Отыграться во что бы то ни стало.

Снова монотонный голос: «Эту бери, эту не бери...» И на этот раз скорлупка оказалась пустой. У Кости промелькнула мысль об интернате, ребятах... Шарик, словно невидимка, исчезал из-под скорлупы. Ну и ловкий этот Федька. Ведь знал, что надует, обманет. Разве стал бы он играть, если бы не был уверен, а я, дурень, поддался на уговоры.

Остался только смятый платок. Все происходившее походило на сон. Ах, теперь все равно. Он готов делать все, что угодно, лишь бы отыграться. Может быть, даже ударить, нет, избить этого ненавистного Федьку. Костя растерянно оглядел себя и снял шапку.

— Новая? — Федька молча повертел ее, прищулив глаза. — Пятьдесят копеек.

— Она же новая!

— Не хочешь, как хочешь.

Костя повздыхал, поохал: «Может быть, повезет?» Федька спокойно выжидал, примерял шапку. Вскоре Костя проиграл шапку и ремень.

— Как же я пойду в интернат? — в ужасе спросил он Федьку.

— Ничего, добежишь, не холодно. Не унывай, дадут тебе шапку и ремень, — воровато оглянувшись, Федька вдруг бросился бежать в морозный сумрак.

— Федька! — в отчаянии крикнул Костя. Но того уже нигде не было.

...Комсомольское собрание началось. Андрей Орлов держал в руке свернутый лист бумаги — конспект выступления, хотя ни разу в него не заглянул. Как-то увереннее чувствуешь себя, если под рукой есть записка того, о чем надо говорить.

Андрей назвал фамилии ребят, которые «безусловно могут стать настоящими комсомольцами».

Володя недовольно ерзал на месте.

— А Костю Яркова забыл? — не выдержал, наконец, он.

— А разве он уже пришел на собрание? — с некоторой насмешкой сказал Андрей. — Что говорить о Косте, который не соизволил даже присутствовать на нашем собрании? Откровенно говоря, у меня нет к нему большого доверия. Посудите сами, только сегодня утром, — Андрей оглядел ребят, — он признался, что помогал какому-то типу стащить у нашей кастелянши тети Ксении курицу.

— Это было давно. Тогда мы только что приняли его в интернат, — вступился за Костю Володя.

— Во-первых, факт есть факт, к тому же явно отрицательный, — продолжал свое Орлов. — Во-вторых, он должен был признаться пораньше, а не перед собранием. Рекомендуешь Костю, а где он сейчас, скажи?

Володя не на шутку встревожился. И куда запропастился Костя? Он дважды выбегал из комнаты.

— Нет еще? — спрашивал он Митю Полева, дежурного по интернату.

— Не волнуйся, Вова, как придет, сразу пришло.

«Ну как тут не волноваться? В самый ответственный момент Костя подвел своего товарища. Вот и рекомендуй такого», — мелькнула мысль.

Ребята ждали, что скажет Володя. Он заговорил торопливо

и, как всегда, после каждой фразы вопросительно оглядывал ребят: мол, разве я не прав?

— Орлов всегда боится, как бы чего не случилось. Не беспокойся, теперь ничего не случится. Наша комсомольская организация имеет сильное влияние на воспитанников интерната. Верно ведь? Помните, когда мы только сюда поступали, как нам трудно приходилось. Теперь совсем другое дело, сознание ребят выросло. Поговоришь с парнем — он уже и лучше учиться стал и ведет себя приличнее, чем раньше.

— Так уж сразу и приличнее, — с иронией сказала Нина, сидевшая рядом с Орловым.

— Я дружу с Костей, — горячо продолжал Володя. — Помните, каким он был? А теперь Ярков понял свою цель в жизни. Я ему во всем помогаю. И он мне тоже. Я все время с ним и с ним.

— Мелочная опека, — усмехнулся Андрей.

— Ничего подобного. Просто товарищеская помощь. Мы должны...

— Лучше скажи, где сейчас Костя? — перебила Нина Володю. — Ярков не пришел на собрание. По-моему, ребята, принимать его рано. Он пока еще не очень постоянный. То как будто у него все хорошо: учится, старается, и дисциплина в порядке. А то вдруг такой номер выкинет... Для комсомольца никак это недопустимо.

Дверь приоткрылась, и просунулось испуганное лицо дежурного Мити.

— Пришел? — нетерпеливо спросил Володя.

— Пришел... — неопределенно протянул Митя. — Он без шапки пришел...

Володя первым ринулся к двери. Когда комсомольцы вбежали в спальню, там уже собралось много ребят. Костя лежал на кровати, закутавшись с головой в одеяло, и не подавал признаков жизни.

— Пришел бледный, как вот эта стена, — рассказывал Митя. — Я говорю: «Иди, тебя в комсомол принимают», а он как заплачет — и бух в постель!

— Костя, в чем дело? — Володя пытался сдернуть одеяло с головы Яркова. — Где шапка?

Из-под одеяла вместо ответа послышались приглушенные рыдания.

— Разнюнился, — иронически заметил Андрей. — Встань и расскажи.

Костя утих, только изредка слышались всхлипывания.

— Где шапка? Где ремень? — сердито закричал Володя.

— Проиграл...

— А часы? Где часы?! Тоже проиграл! — Володя схватился за голову. — Выгнать! Немедленно выгнать из интерната!

— Правильно, выгнать! Немедленно выгнать! — зашумели ребята.

Нина, покачивая головой, внимательно оглядела возмущенных ребят: «Вот тебе и влияние комсомольской организации...»

— Исключить мы не правомочны, — категорически заявила она.

— Правомочны! Не заступайся!

Андрей рывком стянул с Кости одеяло, сказал Володе:

— Полюбуйся на своего друга-приятеля, горло за него драл!

Скрестив руки, Володя отвернулся.

— Простите, больше никогда не будет... — умолял Костя, уцепившись за спинку кровати.

Нина шагнула к Косте, закрывая его собой.

— Давно ли ты, Андрей, был таким же? А ведь тебя не выгоняли, с тобой нянчились. Или не так? И еще кое-кого тоже не прогоняли.

В комнате стало тихо.

— Выгоним мы Костю, — решительно продолжала Нина. — Разве это мера наказания? Костя виноват. Об этом мы будем говорить особо. Но посмотрим на себя. Какой-то хулиган влияет на нашего воспитанника больше, чем мы, целый коллектив. Вот об этом надо подумать. А ты, Володя, болтун и хвальбушка. То восхищался Костей, а теперь — выгнать.

Володя опустил глаза.

— Только хвалился: мы, комсомольцы, влияние имеем, — продолжала Нина. — Где это влияние?

Ребята молчали.

На другой день после занятий Володя предложил мрачному Косте пойти вместе к Федьке домой. Костя обрадовался.

— Пойдем! Дадим ему как следует.

— Умник, — укорил Володя. — Тебе небось мы не навешали, а ты виноват не меньше твоего друга.

Дорогой Костя казнился: как он дал себя одурачить? Ведь знал, знал, что Федька обманет, иначе бы он не стал играть.

Дверь приятелям открыла мать Федьки. Она недовольно смотрела на них, наверно, колебалась — пустить их или захлопнуть дверь.

— Здравствуйте. Мы по важному делу, — торопливо сказал Костя. — Насчет Феде.

Мать поздоровалась, кивнула, мол, проходите. Ребята сняли ботинки, прошли по цветным половичкам в большую, чистую комнату и сели на диван.

— Давно не навещался, — сказала женщина Косте с укором.

— Хотел прийти, но все некогда было. Вот пришли с Володей, он мой друг, хочет с Федей познакомиться. Где он?

— А я знаю? И не рассказывает, где шатается, прямо беда. — Мать вздохнула. — Ну и друг ты ему, сам наладился и хорошо, а ведь вместе проказничали. А вот помочь — нет тебя. Совсем от рук отбился. Может, товарищей-то он лучше послушает, поговорили бы по-своему, авось... Другие-то у меня дети как дети, не скажу дурного, а с Федюшкой сладу нет.

— Не беспокойтесь, — сказал Володя. — Мы все понимаем. Теперь мы вашего сына одного не оставим.

Женщина оживилась, внимательно взглянула на Володю. Однако лицо ее было по-прежнему недоверчивым, и Костя горячо заверил:

— У нас в интернате был один почище Федьки, а теперь троек у него нет, и на брусьях лучше всех делает упражнения. А сначала тоже никто не верил, мол, бесполезно на него влиять. Вот мой друг Володя, если он возьмется...

— Почему я? — рассмеялся Володя. — Нет уж, мы вместе возьмемся, да и все наши ребята не будут в стороне.

— Вот бы помогли мне, — растроганно сказала женщина. — Возьмитесь за Федюшку, он на ребят податливый, лишь бы на хороших ему попасть.

«Не очень-то податливый на хороших, — подумал Костя, — хитрить да обманывать любит».

— Идемте на кухню, чайку попьете с помадкой, — предложила хозяйка. — Может, Федюша и подойдет.

Однако ждать Федьку пришлось долго. Володя сидел терпеливо, листая газеты, а Косте надоело ждать, он нетерпеливо прохаживался по комнате, несколько раз выходил во двор.

— Вот так всегда, — сказала мать. — Ждешь, ждешь и чего только не передумаешь, бессердечный он.

— Не волнуйтесь, придет, — успокаивал Володя.

Наконец распахнулась дверь, и Федька влетел в комнату. Увидев Костю, он замер на месте. На щеках вспыхнул румянец. Они молча смотрели друг на друга. Один испуганно, другой сердито.

— Мы тебя давно ждем, — сказал наконец Костя.

— Да я так, кое-куда ходил... — пробормотал Федька, смотря то на Костю, то на мать в полной растерянности.

Что же не здороваешься? Не узнал товарища? — сказала мать и вышла из комнаты. Федька, усмехаясь, протянул руку.

Костя поздоровался с Федькой и представил:

— Володя, мой друг.

— Понял, — пробормотал Федька. — Ну и что?

— А то, — решительно сказал Костя. — А ну, давай деньги.

Федька молчал, раздумывая. Володя похлопал его по плечу.

— Да, начнем с этого, Федя. Долги надо отдавать. И вообще, обманывать друзей — последнее дело. Ты же друг Кости? Или нет?

— Вообще-то друг... — замялся Федька. — Только я проел трешку.

— Ладно, потом отдашь, — великодушно сказал Костя. То, что Федька не спорил, не грубил — обрадовало.

Федька вынул из кармана смятые деньги.

— А где ремень, шапка? — спросил Костя.

Федька вытащил из-под матраца на своей кровати ремень.

— А шапки нет.

— Садись, — Костя поставил посередине комнаты стул. Положил на Федькины плечи руки. Знаешь, ты меня здорово подвел. И вот сего, — указал он на Володю. — Меня в комсомол не приняли. — Он помолчал. — Вообще-то тебя надо бы отлучить. Ну, ладно, посмотрим... Идем с нами.

— В милицию?! — испугался Федька.

— Можно бы и туда. Но ты плохо меня знаешь. Володя да и ребята из интерната хотят с тобой поговорить.

Федька молча опустил голову.

— Я от тебя не отстану, — твердо произнес Костя. — Ты понял меня?

— Не трус, — улыбнулся Володя Федьке. — Идем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Председатель не здоровался за руку. Поднося ко рту платок, говорил:

— Я инфекционный.

Ему советовали отлежаться денек-другой.

— Некогда болеть, — отвечал он строго, имея в виду не только себя. Он не любил, когда и другие бюллетенели.

И вот случилось: председатель почувствовал такое недомогание, что слег в постель. Он ворочался, глядя на часы — они показывали только восемь вечера, — и думал: длинной покажется ночь.

Позвонил в правление. Вскоре у него собрались бригадиры.

— Проведем наряд, — сказал он.

Но тут пришел врач. Смерил температуру, послушал сердце.

— Никаких нарядов, — и попросил всех удалиться.

Бригадиры не уходили, они ждали, что скажет председатель.

— Без него мы не можем, — сказал один бригадир.

— Как же мы без нашей головы? — сказал другой.

— Свои головы есть, — строго ответил врач. — Ему покой нужен.

— Ладно уж... — председатель кивнул бригадирам, чтобы ушли.

Врач выписал лекарства. И тут он заметил мальчика, сидевшего за столом.

— Чего притулился?

— Проведать пришел.

— Вот рецепты — лети в аптеку.

Мальчик с готовностью выбежал из дома. Вскоре он вернулся, положил на столик пакетики и сел рядом с кроватью больного.

— Ты, малыш, подальше от меня. Грипп — штука инфекционная... Весь мир болеет.

— А я не боюсь.

Мальчик не хотел объяснять почему.

— Я тоже не боюсь, — сказал председатель. — Ты железный, что ли?

— Нет, обыкновенный... Только у меня позавчера кончился грипп. Теперь выработался иммунитет, месяц или больше не заболею.

— Иммунитет? — председатель улыбнулся. — Наверное, врачом хочешь быть?

— Пока не знаю... Раньше хотел агрономом, а теперь думаю — лучше шофером.

Председатель ждал, что еще скажет мальчик. Но он молчал. Другие разговорятся — не остановишь, а у этого вытягивай каждое слово.

— Чем шофер лучше?

— Когда людям что-нибудь надо — сел в машину и привез.

— Это, малыш, правильно. Вовремя привезти важно. Мы из-за этого детсад никак не кончим. За кирпичом-то ехать девяносто километров. А машины туда надо, сюда надо... Крутимся.

— Понимаю, — серьезно сказал мальчик.

— Что ты понимаешь? — вдруг рассердился председатель. Он ожидал возражения. Люди часто ему возражают, хотя он и делает всегда так, как считает нужным. А мальчик не спорил. Странно соглашался. Как будто верил и не верил.

Он сказал:

— Садись ближе, малыш.

— Не зовите малышом, мне не нравится. Я уже в пятом классе. Я — парень.

— Извини, парень. Садись.

— А рассиживать мне пока некогда. Я сейчас приду.

Он вернулся очень скоро, словно жил по соседству. В руках держал алюминевый бидончик.

— Можно включить плитку? — спросил мальчик.

— Можно.

— Надо маленькую кастрюльку.

— В буфете.

Мальчик задумался.

— Какое молоко пьете — кипяченое?

«Терпеть не могу молока», — подумал председатель, но сказал другое: — А ты какое пьешь?

— Сырое. Оно полезнее.

— И я сырое.

— Но когда я болею, мама кипятит, горячее пить приходится.

— Ладно, давай сырое.

Но мальчик, еще немножко подумав, твердо сказал:

— Вы больной, пейте горячее.

Председатель смотрел, как мальчик размешивал молоко, чтобы оно не пригорело и не убежало. «Неужели этому в школе учат? Он, наверное, тимуровец».

— Пионер?

— У нас все пионеры.

— Знаешь, что такое наряд?

— Немножко слышал.

— Вечером после работы собираю в правление народ и распределяю, кому что делать на следующий день.

— Ага, и до ночи распределяете... Слышал.

Председатель покачал головой.

— Когда как, это дело, брат, такое... А у вас?

— У нас недолго... У нас сборы.

— Дельные сборы?

— Как и у вас — всякое бывает.

— У вас тоже распределяют, кому куда идти? — спросил уже с любопытством председатель. — Например, к бабушкам воду носить или к больным?

Мальчик улыбнулся.

— Бывает распределяют, а бывает, и так, без сборов... Просто узнаешь, кому надо помочь... — Он налил в стакан молоко. — Я раньше по два стакана выпивал.

— Ты молодой парень, тебе можно. Видишь, какой я толстый... Похудеть бы надо.

— Много едите, наверно?

— Теперь мало. Все равно толстею, замучился. И сердцу тяжело.

— Говорят, кто сердитый, тот худой, правда?

— Чепуха, не слушай... Мне достается, будь здоров.

— Говорят, если человек полный, то обязательно добрый. Тоже чепуха?

— Чепуха.

— И вы недобрый? — мальчик серьезно посмотрел на председателя.

— Не знаю, — председатель встрепенулся, заметив в глазах малыша недоверие. — На всех не угодишь.

— А зачем угождать?

Председатель не ответил. Да и что мог знать этот малыш о трудной жизни председателя. Он лежал, держась рукой за грудь. Сердце болезненно «дергалось».

— У вас, наверное, большая температура, — забеспокоился

мальчик и вытащил из картонного футляра градусник. Посмотрел на него, стряхнул, потом растегнул еще одну пуговицу на рубашке больного и сунул градусник ему под мышку.

«Тебе надо врачом быть, а не шофером», — подумал председатель.

— Я завтра приду, — сказал мальчик и как-то по-взрослому попрощался. — Спокойной ночи.

Мальчик пришел на другой день с учебниками: «Я немножко позанимаюсь, а потом поговорим».

Председатель согласился. Он смотрел в напряженное лицо малыша и вспоминал... Дети его не знают, и он не знает их. А давно, лет, наверно, двадцать назад, было иначе. Он тогда был трактористом.

— Дядя Миша, покатайте нас!

— Дядя Миша, дайте конфетку!

То было тяжелое, горькое время войны. Было у председателя и своих двое молодцов. Погибли на фронте. Один Героем Советского Союза погиб, другой без вести пропал. Но председатель верил и во второго сына. Не мог он посрамить отца...

Ему вдруг захотелось, чтобы и вот этот мальчик назвал его не Михаилом Федоровичем, а дядей Мишей и попросил бы чего-нибудь: покатал бы он сейчас его вволю на председателемском газике и конфетку дал бы не простую, а шоколадную. Но мальчику, видно, ничего было не нужно.

Позанимавшись, мальчик оглядел комнату, стены, вроде бы он что-то искал.

— Не нравится у меня? — спросил председатель.

— У вас, кроме магнитофона, — ничего, никакой музыки, — и вдруг мальчик с надеждой спросил: — А вы на гитаре можете?

— Не пробовал, — признался с надеждой председатель и почему-то удивился, что мальчика интересует именно гитара, а не баян или аккордеон. На них повеселее выходит игра. — А ты, парень, умеешь на гитаре?

— Только чуть-чуть по нотам... Ноты теоретически научился понимать, а как на свои пальцы и струны их перевожу — путаюсь, — с горечью ответил мальчик. — Прямо беда, товарищ председатель, у нас никто профессионально не может, чтобы толково, по нотам... Так хочу научиться, но самостоятельно трудно по самоучителю: бьюсь, бьюсь, а выходит плохо. — И тут он рассмеялся. — А вот во сне вижу, как я

здорово играю, на отлично, лучше некуда, пальцы так и бегают...

И тут председатель опять пожалел, что не умеет на гитаре, вот бы он, кстати, помог мальчику.

— Не унывай, парень, — весело произнес председатель с улыбкой. — Раз во сне играешь на отлично — быть тебе хорошим гитаристом, вижу — ты настойчивый. А сразу, мой друг, ни у кого на отлично не получается: Иванов-Крамской тоже помучился, прежде чем люди оценили его игру... Конечно, с руководителем было бы полегче, но я уверен — у тебя и самостоятельно на отлично выйдет.

— Правда? — с благодарностью спросил мальчик.

— Абсолютно уверен, приглашай меня как-нибудь послушать.

Мальчик, колеблясь, раздумывал.

— Ладно, на другой год позову.

— А пораньше нельзя?

— Не стоит... На гитаре, если плохо играешь — дрыканье получается, примитивно. Лучше, пока не научишься, постороннему не нужно слушать, понимаете?

— Ну, брат, это вообще-то да, — неопределенно ответил председатель. Он был согласен с мальчиком, в то же время ему захотелось послушать игру не «на другой год», а вот сейчас бы. — Дрыканье, конечно, не очень-то приятно слушать, но ты... все же пораньше как-нибудь поиграл бы, а?

— Нет, председатель, — решительно отозвался мальчик. — Сейчас нельзя, а то раньше времени разочаруетесь.

Председатель согласно кивнул: хорошо, потерпит, не будет упрашивать, тем более, он почувствовал, что мальчик не изменит своего решения.

— Парень, ты из чего дома пьешь воду? — спросил председатель.

— Когда из стакана, когда из кружки.

— Открой буфет, там на верхней полке есть бокал... фарфоровый...

И хоть мальчик был невысок ростом, увидел бокал. Большой и тяжелый. Из него могли пить только богатыри. Станный бокал! Он чем-то притягивал к себе. Хотелось все время держать его в руках.

Председатель взял бокал обеими руками, словно боялся его уронить.

— Сядь поближе, парень.

Председатель лежал без движения и о чем-то думал. Наверно, это были важные и печальные думы, потому что у него повлажнели глаза. Но мальчик не сказал: «Может, выпьете от сердца?» Он чувствовал, что сейчас у председателя была не болезнь. Нет, в его глазах была дума о жизни...

— Нравится? — председатель поднес к лицу мальчика бокал.

— Очень хороший... Крепкий и красивый... И большой, — согласился он.

— Мои ребята, — председатель вздохнул, — иногда дрались — не хотели уступать, а второго такого не было.

— Гм, обязательно драться, — сказал мальчик. — День пил один, а на другой...

— Договорились, когда постарше стали, в пионеры вступили.

Мальчик догадался: бокал имел свою историю. И он ждал рассказа.

— Моя жена у Фрунзе была разведчицей. Он подарил ей бокал. Смелая была. Расстреляли ее белогвардейцы.

Председатель отвернулся. Мальчик молчал, ни о чем не спрашивал. Думал: вот председатель, которого он редко видит. Иногда на газике, иногда на лошади. Он всегда торопится. Мальчик не знал, куда он торопится. Иногда председателя хвалили взрослые, и мальчик тогда очень гордился им, считал, что лучшего председателя и во всем районе не сыщешь. Под его руководством построили самый большой в районе коровник. Дома построили хорошие.

Но иногда председателя ругали, и мальчику было жалко его и в то же время обидно, потому что он действительно не обращал внимания на школу.

«Холодно в школе. Куда смотрит председатель?» — говорили некоторые. Но разве он один за всех должен решать дела?

Мальчик видел председателя издалека. Он казался ему важным, сильным, умным и... сердитым, хмурым.

Пионеры на сборе записали в свой план: «Встреча с председателем», но она не состоялась: в этот день он уехал на совещание в райисполком.

— Почему не ходите к нам в школу! — спросил мальчик, хотя знал заранее ответ: «Некогда».

— Прав, парень, нет мне оправданий. — Председатель помолчал. — А может, вам, пионерам, надо быть настойчивее?

— Гм, легко сказать, — по-взрослому ответил мальчик. — Вы все время бегом, вокруг вас люди... А глаза у вас сердитые — не подступишься. У нас ребята смелые и то...

Председатель серьезно и озадаченно слушал. Потом он взял мальчика за плечи и ласково сказал:

— Поверь, парень, много дел. Иногда не знаешь, за что вперед браться. Я не оправдываюсь... Я сам был мальчишкой, должен понимать.

— Не все взрослые понимают.

«Послали его пионеры или он сам пришел?» — подумал председатель. Спросил осторожно:

— Холодно в школе?

— Я не хочу жаловаться.

— Мы же с тобой товарищи, верно, парень?

— Согласен... Знаете, как холодно бывает, иногда в пальто сидим.

— Неужели?! — председатель приподнялся.

— Лежите... Врач говорит: вам надо лежать.

— Да, да. Слышал сто раз: «У вас сердце больное». Ах, будь ты неладно... Почему в школе холодно?

— Не знаю. Мы говорим директору, а он...

— Ну, что он?

— Говорит, сейчас все машины заняты, а ехать на станцию за углем семьдесят километров.

— Говорит, председатель не дает машину, да?

— Да.

— А как пионеры относятся к руководителям колхоза, к правлению?

— Критикуем.

— Помогает?

— Не слушают.

— А еще что говорите?

— Равнодушны к нуждам школы.

— И обо мне? — председатель нахмурился. — Надо вам, пионерам, прийти в правление.

— Мы были... Пообещали, но не выполнили.

— Я не помню.

В эту ночь пришла зима. Председатель лежал в постели и слушал шуршание снега. Белые бабочки садились на окна. Зигзагами сползали по черному стеклу.

Ему все казалось, что за окном. начинает белеть. А это шел снег. Тогда председатель посмотрел на часы. Только пять утра.

Оделся и вышел. Дышалось легко, и председатель почувствовал себя здоровым. Он вдыхал воздух, пахнущий снегом, санками, веселыми голосами детишек...

Школа показалась ему невзрачной: «А ведь я ею хвалился. Разве мы не могли бы сделать ее лучше, красивее...» Сейчас он вспомнил упреки в райкоме партии, на собраниях, упреки учителей, директора, родителей. Он отговаривался: «Ничего, ребята народ не скандальный, молодые, подождут немного. Вот сделаем еще птичник... Сделаем еще...»

В коридоре было холодно. Он потрогал печь. Вроде бы топлённая. Значит, на дровах экономят.

Пошел к угольному сараю. Угля было мало и очень мелкий. Как таким можно согреть школу? Председатель начинал сердиться. Ему хотелось кого-нибудь обвинить. Но кого? Больше всех он сам виноват...

Дождался сторожихи. Наказал натопить как следует печи. «Завтра вам привезем уголь», — сказал он. Ушел к себе. А в девять утра снова явился в школу.

Директор повел его в классы. Показывал стенные газеты,

фотомонтажи, потом заглянули в столярную и слесарные комнаты.

— Тесновато, — заметил председатель.

— Очень тесно, — согласился директор.

«Почему я не спросил, как звать мальчика?» — ругал себя председатель. Он смотрел на ребят, бегавших по школьному двору.

— У нас нет музыкальных инструментов, — слышал он голос директора. — Нужно пианино, потом ребята хотят заниматься легкой атлетикой, боксом... Спортзала нет.

— Все будет.

Но директор, видимо, не верил. Он продолжал убеждать.

— Ладно, сам выступишь на правлении, — твердо сказал председатель. — Наши дети должны иметь все, что им нужно.

Зазвенел звонок. Председатель стоял у выхода в школу и смотрел на торопившихся в классы ребят.

«Где ты, малыш? Ты мне нужен, малыш».

ГОЛУБЬ МИРА

Вова закрыл новенький портфель, с удовольствием прислушиваясь, как щелкнул замочек, и с неохотой положил на подоконник. От замочка взметнулся по комнате, словно от зеркала, зайчик и застыл на потолке.

Кто-то постучал в дверь. Вбежал Вовкин сосед и дружок Коля.

— Не поехал со мной к бабушке, а мы змею поймали... — Он помолчал. Большие черные глаза его засветились любопытством. — Твой? — с нескрываемым восхищением спросил он, указывая рукой на портфель.

— А чей же, конечно, мой. Завтра в школу. Учиться.

Коля погладил портфель, потрогал замочек.

— Щелкает?

— А как же. Только напрасно нельзя, сломать можно.

Вове очень хотелось щелкнуть, чтобы дружок услышал. Он подумал, оглянулся на дверь кухни и почему-то шепотом сказал:

— Ну, ладно, два раза можно. Только тихонько.

Когда Коля щелкнул два раза, ему показалось, что он словно ни разу и не щелкал.

Вова с гордостью вытащил обернутый пергаментом букварь.

— Я все буквы знаю, — но, спохватившись, что этого мало, соврал: — Уже половину букваря прочитал, — Вовка осторожно перелистал страницы букваря. — Это какая буква?

— «Лы», — уверенно ответил Коля.

— А это?

Коля долго думал, шевеля губами.

— Эту не знаю, я только до «н» знаю.

— Ну ничего, меня теперь в школе научат, а я тебя...

Вова вытащил из портфеля цветные карандаши и краски.

— И дом, и любое дерево раскрасить можно. Все краски есть, — похвалился Вовка.

— А у меня белой нет, — с огорчением протянул Коля, рассматривая краски. — Вова, дай мне белую, у тебя две.

Вова поспешно взял из рук друга краски.

— Ишь ты, какой хитрый, а мне?

— У тебя же две. Я голубя из глины сделал, завтра высушу и покрашу, совсем как живой будет... Дай.

Вова насупился: «И зачем ему краски? И зачем голубя красить?»

— Не дам.

Коля встал, отставил табуретку и медленно пошел к двери.

Вова держал в руках белые краски, и они уже не казались ему такими нужными.

На стене медленно тикали часы. Осторожно подтянув стеклянную гирю, Вова стал соображать. «Сколько же времени?» Маленькая стрелка подошла к восьми, большая к одиннадцати. Вова долго смотрел на стрелки часов и, поморщившись, почесал затылок: «Какая же стрелка минутная, большая или маленькая?»

— Мама, я опять не знаю.

Из кухни вышла мать.

— Без пяти восемь.

— Я так и знал! Большая минуты показывает, а маленькая — часы.

Вова жил на самой главной улице поселка. Если идти по этой улице долго-долго, то можно выйти к пшеничному полю. Папа говорил, что раньше там были болота. А как осушили их, стали расти и свекла, и капуста, и картошка.

Вова нарочно старался идти медленнее по знакомой тенистой улице. Как назло, никого из товарищей не было видно. И куда все исчезли?! Колю он увидел на крыше сарая. Вова пошел еще медленнее. «Вот хитрый, нарочно будто не видит меня».

— Коля! — не выдержал Вова. — Иди-ка, чего скажу. — Приятель обернулся, вопросительно посмотрел на товарища. Потом, бережно положив на фанерку большого глиняного голубя, спустился по лестнице на землю. Вова приветливо улыбнулся.

— Здравствуй!

Коля удивленно взглянул на протянутую руку, неловко ухватил ее обеими руками и стал трясти.

— Здравствуй, Вовка! Тяжелые? — спросил он, указывая на новые ботинки.

— Нисколько, — Вова несколько раз подпрыгнул. — Как в тапочках. И пальто новое есть... Ой, в школу опоздаю! — спохватился он.

Лицо у Коли стало грустным.

— Возьмите меня в школу, — попросил он.

Вове было очень жаль друга. Как было бы хорошо, если бы Коля сидел рядом с ним, за одной партой. Вовка положил руку на плечо друга.

— Вот придет еще осень, и ты пойдешь в школу. Это совсем недолго: зима, лето, и все.

Коля долго стоял на дороге и с завистью смотрел вслед удалявшемуся товарищу.

Вовка помахал ему, и в ответ дружок тоже поднял руку.

В классе уже было много ребят. Они разглядывали новенькие парты, хлопали крышками, рассказывали друг другу, как провели лето.

Вчера на сборе учительница Вера Ивановна рассадилась всех ребят парами, только у Вовы пары еще не было. А сейчас за его партой сидела девочка.

— Ты со мной будешь сидеть? — спросил ее Вова.

— А ты со мной?

— Подвинься, — задирчиво сказал он. Девочка внимательно посмотрела на Вову и вежливо спросила:

— Тебе места мало? — и тут же подвинулась на самый краешек парты. Вова ожидал, что девочка возразит ему. А она даже язык не показала. Вовка приветливо улыбнулся.

— Места много, садись как надо. А тебя как зовут?

Когда Тоня раскрыла портфель, Вова увидел целый лист переводных картинок, и у него разгорелись глаза: «До чего же красивые, мне бы такие!»

— И у меня есть, — равнодушно сказал он.

— А ну, покажи.

— Я дома оставил. У меня красивее.

Особенно ему понравился большой гривастый лев. «Как живой! Я бы его на обложку букваря перевел. А если попросить? Да разве она даст?»

— Таких нет, — признался Вова.

— Тоня задумалась, взглянула на картинки, на Вову и протянула лист.

— Возьми, у меня два таких.

Вова сразу вспомнил грустное лицо Коли.

— Ладно, не надо, — нерешительно отказался Вова.

— Бери, — настаивала Тоня, — с товарищами надо всегда делиться.

Вдруг дверь класса потихонечку открылась. Показалась черная макушка, потом из-под неровной челочки блеснули глаза. Они внимательно осмотрели весь класс и задержались на Вове.

— Вова, это я.

Коля вошел в класс и встал у двери. В руке он держал новенькую тетрадку. В другой крепко зажал коробку с цветными карандашами.

— Тебе нельзя... Иди в детсад, — подбежал Вова к другу.

— Я тоже хочу учиться, — смущенно улыбаясь, ответил Коля. Его окружили первоклассники.

— У нас есть свободное место, садись, — предложила Тоня.

Вове очень хотелось, чтобы товарищ остался в классе. Но ведь он убежал из детсада. Нина Петровна и все ребята будут искать его.

— Я хочу учиться, — твердил Коля, крепко прижав к груди тетрадку и карандаши.

— Ты еще маленький, — сказал самый высокий в классе ученик.

— Вова мой товарищ, он немаленький, и я тоже немаленький.

Раздался звонок, ребята бросились по местам.

— Уходи, сейчас Вера Ивановна придет. — Повернув упи-

равшегося друга лицом к двери, Вова пытался вытолкнуть его из класса. Коля, закрыв лицо тетрадкой, заплакал. Ученики растерянно переглянулись. Вошла учительница.

— Ты чего плачешь, мальчик? Плакать в школе нельзя.

Но Коля уже не плакал.

— Я учиться хочу.

Учительница спросила, из какого мальчик детсада, и пошла позвонить по телефону.

— Подвинься, Вова, я с тобой сяду. Можно? — Коля сел на краешек, вытащил из коробки карандаши и разложил их на парте. Когда учительница пришла, она пересадил Вову на другую парту.

— А зачем? Мы все сядем! — удивился Коля.

— Троем за одной партой тесно.

— Она большая — нетесно, это на стульчиках тесно, — Коля стал показывать руками, сколько еще осталось свободного места.

Вова шепнул ему:

— На уроке нельзя разговаривать.

Вера Ивановна спросила ребят, кто какие знает стихи. Первым поднял руку Вова. Коля крикнул:

— Я про Машу знаю.

Учительница улыбнулась.

— Ну, что же, расскажи нам про Машу.

Коля встал рядом с учительницей, заложив руки за спину. Он заметил, как Вова и девочка, что сидела с ним, зачем-то показывали на свои руки. Коля в недоумении пожал плечами. «И при чем тут руки? Ах да, руки надо держать прямо», — догадался наконец он. Молодец Вова, и все он знает!

Маша варежку надела:
Ой, куда я пальчик дела,
Нету пальчика, пропал.
В свой домишко не попал.
Маша варежку сняла,
Поглядите-ка, нашла!

Коля торопился, потому что, кроме «Маши», он знал еще про мячик, про елочку, про октябрят.

— Садись, Коля, на свое место, — сказала учительница, — послушаем других.

Едва Вова вошел в комнату, мать поздравила его с первым днем учебы.

— Смотри, мама, задание на дом дали. Я стихи читал и считал до двадцати. Сначала спутался потому, что торопился...

Вова ел вкусный суп и все время поглядывал на портфель: ему скорее хотелось выполнить домашнее задание.

— Мама, мне нужны сейчас спички.

— Зачем? — встревожилась мать.

— Да нет, мама, это для счета. Урок у нас такой есть.

Мать погладила сына по головке.

К вечеру, когда Вова уже сделал домашние уроки, пришел Коля с букварем и книжкой-раскраской.

Вова вытащил из портфеля белую краску.

— На, возьми.

Коля недоверчиво посмотрел на друга.

— Бери, — настойчиво сказал Вова, — с товарищами всегда надо делиться.

— Мама уже купила мне.

— Все равно, бери. Ты хорошо лепишь птичек из глины. Их обязательно красить надо.

Коля положил на ладонь краску, потом неожиданно встал и убежал из комнаты. Он скоро вернулся с глиняным, окрашенным в белую краску, голубем. Голубь был на подставке, и Вове казалось, что голубь вот-вот раскинет крылья и полетит.

Коля погладил голубя и протянул его другу.

— Возьми, у тебя нет. Я в детсаде еще сделаю.

Вова прижал голубя к груди.

— Не думай, Коля, я нежадный. Проси чего хочешь, и я нисколько не пожалею...

Мама взяла в руки голубя.

Вова дал маме кисточку. Она вывела ровными буквами на крыле: «Голубь мира».

ПРО КУРИЦУ РЯБУ И ХИТРЫХ СУСЛИКОВ

На первом же заседании школьного кружка юннатов мы решили создать живой уголок. Спорили, с чего же начать. У нас были только кролики. Андрюшка, председатель кружка, был ими очень доволен, да и мы тоже. Постарались для них, сделали несколько просторных клеток. Кролики удивительные.

Настороженно шевелят ушами, смотрят на нас разноцветными глазами: и красными, и черными, и зелеными. Я не знал, что у кроликов бывают глаза разных цветов. Они у нас уже почти месяц. Мы изучаем условный рефлекс: кормим их по звонку. Если даже не кормим, но даем сигнал, кролики все равно бегут к корытцам.

Когда Андрюше сказали, что из одних кроликов живого уголка не получится, он спорить не стал:

— Пожалуйста, давайте хоть тигра, разве я против.

На другой день он принес белых мышей. Оказывается, выклянчил в соседней школе.

Все равно этого мало, сказали мы ему. А он рассердился:

— Что вы на меня навалились? Я доставай всяких зверушек, а вы руки в боки! Так не пойдет!

И в это время вошел Шурик. Он у нас в классе самый высокий и какой-то нескладный. Может, по этой причине по физкультуре на четверку еле вытягивает. Мне всегда его жалко за неловкость. Довольно улыбаясь, будто прыгнул в спортзале удачно через «коня», он молча поднес к лицу Андрюшки клетку с двумя белыми голубями.

— Подумаешь, удивил, — сказал Андрюшка.

Шурик не обиделся, он торжествующе улыбнулся.

— Ты посмотри, носики-то со спичечную головку, под микроскопом можно рассматривать.

— Нет, — сказал Андрюшка. — Голуби — распространенная птица, для живого уголка не годится. Мы должны приносить только редких животных. Запомните все — редких.

Наверное, Шурик знал, что Андрюшка так скажет, не торопился уходить со своими голубями.

— Значит, редких? — спросил он язвительно. — Интересно, за что тебе пятерку Александра Ивановна ставит?

— Потому что я разбираюсь, — гордо ответил Андрюшка.

— Ничего не разбираешься. Ты погляди! Это же дикие голуби. Попробуй поймай.

Никто из нас их еще не ловил. Ну ладно, если дикие — возьмем, спорить не стали. Вообще, Шурика мы уважали, он любил держать всяких животных у себя дома. Еще когда учился в третьем классе, построил во дворе кладовушку. С тех пор в ней всегда кто-нибудь обитает. Были голуби, потом кролики, потом долгое время жили собаки «особых» пород. Этих собак он обычно находил в противные осенние дожди или в морозные дни, дрожавших от холода, со взъерошенной шерстью, жалких, худых и голодных, облепленных грязью. Собаки послушно шли за ним, веря ласковому голосу. Сейчас, мы знали, в кладовушке жил ястреб. Шурик нашел его во время экскурсии за городом. Ястребу кто-то перебил крыло, и он не мог летать. Скоро должен был поправиться. Оказывается, об этом знал не только я, но и Андрюшка. Он ехидно спросил:

— Чего ж ты ястреба прячешь?

— Пока не поправится — никому не отдам, — ответил категорически Шурик. — Не считай меня жмотом. Завтра я тебе привезу редкость, — сказал Шурик.

Какую там редкость мог привезти Шурик? Зоопарка у нас нет, чтобы он мог выпросить, скажем обезьяну.

На другой день вечером, когда мы собрались в живом уголке кормить кроликов и голубей, появился Шурик с сумкой. Оттуда раздалось приглушенное кудахтанье.

Он потянул замочек «молнии». Выскочила серая лохматая курица и, кудахча, забегала по комнате.

— Теперь поймай попробуй, — упрекнул Андрюшка Шурика и бросился ловить, опасаясь, как бы она не удрала на улицу.

— Боевая! Что же вы раскрыли рты — ловите!

— Не надо, — сказал Шурик. — Успокоится и сама придет в руки. Она ручная. Я к тете приехал в Покровское и попросил курицу для кружка. Она показала на самую спокойную и говорит: хитрая, сыплю пшена, поглядит, что не ячмень, отходит. Я посыпал зерна, она подошла и я ее поймал, она даже не закудаhtала, такая доверчивая... Имей в виду, Андрюшка, кур доверчивых — одна на миллион бывает.

Андрюшка поглядел на курицу:

— За ней надо гоняться, пока не устанет.

Мы с Андрюшкой погнались, а Шурик сказал:

— Не бегайте, сама к нам подойдет.

Напуганная нашим криком, задохнувшись от долгого испуганного бега, курица присела, открыв клюв, распластав бессильно крылья.

Мы взяли ее вдвоем, она недовольно хлоптала.

— Дайте мне, — сказал Шурик. И, взяв ее из наших рук, прижал к груди.

— Ну что ж ты, рябушка, боишься нас? Не бойся... Иди погуляй.

Мы растерялись. С таким трудом ловили, а он так запросто отпустил.

Рябушка нехотя спрыгнула с его рук и... не убежала!

Шурик вытащил из кармана горстку зерна и высыпал возле своей ноги. И рябушка стала спокойно клевать. И как это он мог так быстро приручить ее? И тут Андрюшка похвалил Шурика:

— Молодец! Знаешь, до меня не дошло... Куриц ни в одном живом уголке нет. Когда я был на семинаре председателей кружков, нас водили в школы, где лучшие кружки. И ни в одном не видел курицы. И сусликов ни у кого не видел. Нам надо раздобыть их.

— Они же вредители, зачем они нам нужны, — сказала Лариса.

— Пусть вредители, — запальчиво сказал Шурик. — Я, например, совсем не знаю, какие они... Александра Ивановна как раз меня спросила про них. Я, конечно, рассказываю, где живут, чем питаются и так далее. А вот что-нибудь такое про них рассказать, не по книжному — не могу.

Все согласились с Шуриком: надо поймать! Заспорили только — кому поручить? Шурика единогласно выбрали, потом вспомнили, у кого какие отметки по ботанике, географии, и как кто любит животных и еще какие-то доводы приводили в пользу других кандидатов.

И все-таки большинство после Шурика набрал я.

Над городом поднимался рассвет, но было пасмурно. На небе плотно сгрудились тучи.

Мы с Шуриком доехали на троллейбусе до «кольца», тут сразу же начинался лес. Шурик сказал:

— У нашего соседа барометр на дождь показывает.

— Подумаешь, дождь, — махнул я рукой. — Пойдет и перестанет. Раз кружок поручил нам сегодня поймать — должны поймать.

Окраинные домики остались позади, и мы пошли по лесной дороге, потом вдоль полей, засаженных горохом и свеклой. И вот свернули на большую лесную полянку. Нам повезло: сразу увидели около нор свежие бугорки земли.

— Роют, — обрадовался Шурик.

— Тихо, — шепнул я ему. — Только сейчас и ловить, а когда нароют себе много выходов, будет трудно их поймать.

Я внимательно исследовал поляну и сказал Шурику:

— Встанем так, чтобы нас не было видно. Как высунется из норы, сразу сачком.

Мы притаились возле норок с приподнятыми сачками. И сразу почувствовали, как заметался ветер по поляне туда-сюда, потом ударил нам в спину, будто хотел прогнать отсюда. Но мы стояли не шевелясь, уставившись на норы, ожидая, что вот-вот высунутся острые, усатые мордашки — такими мы видели их на картинках. Начался дождь, редкий, робкий. Рука у меня устала держать на весу сачок. Я взглянул на Шурика, он переложил сачок из правой руки в левую. А я крепился. Ведь левой рукой можно промахнуться... Я только чуть ниже опустил сачок, все полегче держать... Суслики почему-то не показывались. Ветер вдруг затих, и капли стали падать все чаще, и вдруг, словно опрокинулась тысяча ведер сразу, на поляну обрушился густой ливень. Трава испуганно прильнула к земле.

— Наверно, суслики сачки наши видят. Давай опустим... — предложил Шурик, поеживаясь от сырости.

У меня промокла спина. Стоило чуть пошевелиться, сразу становилось еще холодней. Я сжимал зубы, чтобы не дрожать.

— Не видно что-то сусликов. Может, они тоже боятся дождя? — робко заметил Шурик.

— Дождь им нипочем, у них же непромокаемая шкура. Тебе холодно? — спросил я.

— Н-нет... Н-не очень, — разжимая посиневшие губы, ответил Шурик.

— Ничего, — сказал я, стараясь бодро улыбаться. — Потерпим, зато в нашем кружке суслики будут.

— А, может, нет здесь сусликов? — спросил Шурик.

— Как это нет? — возмутился я. — А норы? Норы видишь? Может, и нор нет?

— А, может, крысы в них или жуки какие?

— Ой, сказал! Жуки, крысы! Как будто я не знаю, какие это норы... Сусликовы!

Но, честно признаться, я действительно не знал. Ни разу не ловил сусликов и даже не видел их.

С покоробленного козырька фуражки Шурика стекали ручейки. Он то и дело обтирал лицо мокрым носовым платком. В туфлях у нас хлюпала вода. «Ох и будет Шурику от матери, — подумал я, жалея товарища. — Строгая она. И мне попадет».

— Беги домой, — предложил я. — Сам поймаю.

— Вместе, так вместе, — протестовал он. — Все равно насквозь промокли.

Вернулись мы в город к вечеру. Было страшновато: как нас дома встретят? Но хуже всего, что возвращаемся мы с пустыми руками.

— Я домой не пойду, — мрачно сказал Шурик. — Идем в школу, обсохнем.

Нас встретила уборщица тетя Даша.

— Как будто нарочно мокли под дождем! — качала она головой.

Мы ничего не ответили, только переглянулись. Тетя Даша повела нас в какую-то комнатку, похожую на кладовую.

— Быстренько снимайте все с себя, просушить надо. А вот это наденьте, — и подала черные отглаженные халаты. Их носят уборщицы, когда убираются на этажах.

Молча переоделись, накинули халаты. Конечно, выглядели мы смешно. Шурик расхохотался:

— Вот так приключение!

— Всыпать бы вам за такое приключение, — проворчала тетя Даша. — Схватите воспаление легких, а родители переживай. — Она взяла нашу одежду и сказала, что прогладит ее утюгом, чтобы высохла. Ушла и вернулась с чайником, стаканами, кусочками сахара.

— Пейте, согревайтесь... Сейчас к вам приятель придет, он дежурит в живом уголке.

Мы остались вдвоем, пили с жадностью чай.

— Думал, не согреюсь, — признался довольный Шурик. — Кто же дежурит сегодня? — только успел это сказать, и вошел Андрюшка. Наверно, ему было смешно глядеть на нас в халатах, но он только чуть улыбнулся, изумленно воскликнул:

— Что здесь делаете?

— Отдыхаем... Нет сусликов, — упавшим голосом ответил Шурик.

Я безнадежно вздохнул: как сказать о своей неудаче? Не выполнили задание кружка!

Андрюшка насмешливо оглядел нас, покачал головой:

— Эх вы, юннаты! Вспомните, что говорила Александра Ивановна.

Мы с Шуриком в недоумении пожали плечами и вопросительно взглянули на Андрюшку.

— Суслики роют свои норы только в ясный, солнечный день.

Через два дня мы сусликов все же поймали. Только встали у норок, они сразу и выглянули, потому что день был солнечный. Я и Андрюшка поймали, а у Шурика убежал. От неудачи он чуть не заплакал. Я, говорит, невезучий. Может, это и так, только я не считаю его невезучим, если в его кладовке всегда кто-нибудь да живет. Теперь, например, живет подбитая кем-то белочка. Но сейчас Шурик не хочет отдавать ее в наш кружок.

— Вот как поправится, так и принесу, — пообещал он.

На сборе отряда я рассказал, как достались суслики. Ребята посмеялись, но и поняли, каково нам пришлось, посочувствовали.

— Я был вчера в научно-исследовательском институте, — сказал нам Андрюша. — Им очень нужны белые мыши для

опытов. Попросили, чтобы мы их побольше разводили. Согласны?

Конечно, согласны, обрадовались мы, подружился с учеными, будем помогать делать опыты. И, может быть, впереди нас ждут открытия.

СПАСАТЕЛИ

Моего друга Ваню ребята ни за что не хотели принять в нашу спасательную команду. Помощник капитана Димка Орлов даже напустился на меня:

— Разве таких вовлекать надо?.. Ну кого привел, посмотри!

Вся наша команда с недоверчивой улыбкой разглядывала маленького, щуплого Ваню. Обидно мне стало за товарища.

— Вырастет он, подождите!

Димка под общий смех похлопал Ваню по макушке.

— Ладно, подождем. А пока иди домой. Без мамки на озеро не ходи, купайся только на детском пляже.

Но Ваня не из таких, чтобы так сразу и уйти. Разозлился он на Димку, но виду не подал.

— Эх ты, а еще помощник капитана, — укоризненно покачал головой Ваня.

— Вот чудак, я-то при чем? Мы спасаем утопающих, а какой из тебя спасатель? Смешно.

Я знал, какой Витька упрямый. Пока не убедишь его делом, — будет стоять на своем.

— Пойми, — доказывал я Димке, — Ваня лучший физкультурник шестого «А».

Я подмигнул другу. Он понимающе улыбнулся и решительно отступил на несколько шагов. Как настоящий циркач, Ваня подпрыгнул и ловко перевернулся в воздухе. Потом на руках приблизился к удивленному Димке и поболтал перед его носом ногами. Ребята с нескрываемым восхищением и завистью смотрели на маленького мускулистого Ваню. Отряхнув песок с ладоней, он спокойно спросил Димку:

— А ты так можешь?

Димка смутился.

— Подумаешь, фокус! Да я восемь раз без отдыха озеро переплываю — и то не хвлюсь!

Митя Оленев, который был разве только чуть-чуть повыше Вани, дружески сжал ему плечо.

— Ничего. Подойдешь! Тебе только подрасти надо, хоть самую малость. Глотай витамины — шарики такие... В любой аптеке полно.

Мы знали, что Митя уже давно глотает витаминные шарики, но, кроме него самого, никто не замечал, чтобы он вырос.

Ребята единодушно решили принять Ваню в команду. Димка для пущей важности долго молчал, испытующе оглядывал новичка с ног до головы.

— Ладно, примем, если капитан утвердит.

Наш капитан, Алексей Петрович, утвердил Ваню членом спасательной команды, и мы принялись обучать его. У нас есть свой катер «Пионер», на котором мы катаем по озеру всех желающих ребят. Прежде всего мы научили Ваню вовремя давать сирену. За штурвалом «Пионера» мы стояли попеременно. Когда на курсе корабля встречалась лодка, Ване приказывали крутить ручку. Ну и старался же он! Наверное, весь город слышал вой сирены.

Через несколько дней мы доверили Ване штурвал. Потом учили его пришвартовывать катер к пристани.

Однажды, в жаркое июльское утро, мы, как всегда, пришли на водную станцию. Команда построилась в линейку. Рядом с Митей замыкающим стоял Ваня.

Алексей Петрович зачитал список дежурств. Мне, Ване и Димке выпало дежурить на детском пляже. Димка недовольно покосился на моего друга, но ничего не сказал.

И вот уже беззвучно опускаются на воду весла, и хоть бы одна капля взметнулась от них. На носу лодок трепещут красные флажки, и видно их издалека. Детский пляж находился на другой стороне озера. На середине озера Митя неожиданно затропил:

— А теперь прыгайте. Доплывете. А то на мель сяду.

Мели, конечно, никакой не было, но мы спорить не стали. Нам самим хотелось скорее окунуться в теплую воду.

— Значит, так: мы наблюдаем с суши, а ты с моря. Далеко не отплывать. Ясно? — сказал наставительно Димка.

— Ясно, ясно, — кивнул Митя.

Хорошо в воде! Поиграли немного в «пятнашки». Вылезать не хотелось, но Дима торопил занять пост.

День только начинался, но купающихся на пляже было уже много.

— Ну что ж, начнем загорать, — Димка окинул деловитым взглядом пляж. «Загорать» он сказал к слову. Загар к нам уже не приставал. Чернее нас вряд ли кого сыщешь на пляже.

Положив голову на мой живот, Ваня пригоршнями загребал золотистый песок и обсыпал свои ноги.

— Знаешь, Саша, о чем я думаю, — Ваня приподнял голову, посмотрел вопросительно на меня и вздохнул. — Скоро месяц, как я в команде, и никаких случаев не произошло. Хотя бы кого спасти.

— Спасатель из тебя, — насмешливо вставил Димка, — сперва толком плавать научись.

— Не хуже тебя плаваю, — спокойно возразил Ваня.

— Не хвались. Я восемь раз переплываю озеро — и то не хваюсь.

Ваня нахмурил белесые брови.

— Я десять раз переплыву.

Мы знали, что Ваня больше пяти раз озеро не переплывал. Правда, в последние дни он каждый вечер тренировался и даже научился прыгать с восьмиметровой вышки.

— Ну и хвастун! — расхохотался помощник капитана.

— Я не хвастун, — крикнул Ваня, чуть не плача. Его словно кто-то подкинул, он вскочил и с разбегу бухнулся в воду. Плыл он быстро, легко и красиво взмахивая руками. Вначале он плыл по-матросски, выбрасывая одновременно обе руки, потом — на боку, на спине.

— Хорошо плывет, — сказал я Диме, ревниво следившему за Ваней.

Он ничего не ответил, только прикусил нижнюю губу.

Десятый раз Ваня переплывал озеро медленно. Голова его то исчезала, то поднималась над поверхностью воды.

— Узнает, как хвастаться, — шептал ликующий Димка, — Спасать буду.

— Неужели тебе хочется, чтобы Ваня тонул? — возмущенно набросился я на него.

— Не можешь — не плыви! — огрызнулся Димка и вдруг вскочил с земли. — М-и-тя-я! — закричал он, что есть духу.

Митя встал на корму и приложил к уху рупор.

— Спа-са-ай Ваню!

Митя засуетился, ударил веслами по воде. Подплыл поближе к Ване и закричал:

— Приказ помощника капитана: садись!

Он кинул спасательный круг и сам прыгнул в воду. Уцепившись одной рукой за круг, другой схватил Ваню за плечо.

— Залезай в лодку! — настаивал громко Митя.

— Спас, спас! — ликующе вопил он, причаливая к берегу. Ваня растерянно моргал глазами. Он и не думал тонуть. Хотя он и устал, но если бы Митя не помешал ему, доплыл бы сам.

Спустя несколько минут, мы втроем сидели на прежнем месте. Митя в который уже раз рассказал нам, как он, рискуя жизнью, спасал Ваню.

Я возмущался: почему Ваня не одернет хвостунишку? Но он добродушно улыбнулся:

— Если бы я на самом деле тонул, тебя тоже спасти пришлось бы.

Митя смутился, сел опять в лодку и отчалил от берега — дрейфовать в открытое море, как он выразился. И, странное дело, мы молчали, как будто бы нам не о чем было говорить.

— Ребята! — вдруг вскочил Ваня, показывая рукой на воду. Недалеко от берега, в том месте, где было не глубже, чем по шею, то появлялась, то скрывалась голова девочки.

— Тонет! — беспокойно оглядывая зыбь воды, воскликнул Ваня.

— Да нет, балуется, — Димка пренебрежительно махнул рукой.

Ваня, не раздумывая, прыгнул в воду.

Голова девочки больше не показывалась.

Димка остался лежать на песке, а я бросился вслед за другом. В воде я открыл глаза, но в мутной, холодной пелене ничего не было видно.

Вынырнул я возле Вани, выталкивающего обеими руками из воды побледневшую девочку. Мы ее взяли на руки и вынесли на берег. К нам уже бежали купающиеся и Димка, конечно.

Он суетился больше всех.

— Искусственное дыхание надо! — волновался он.

— А вы не кричите, молодой человек, — строго сказал ему врач.

Девочку уложили в тени, и врач стал хлопотать возле нее.

— Тонет и молчит, — торопливо и возмущенно говорил Димка. — Хоть бы раз крикнула! Не умеют плавать — и сразу в глубину лезут. Подошла бы к нам... Например, к тебе, — обратился он к Ване, — ко мне и сказала, мол, научите плавать! А так попробуй уследи!

Я чувствовал, как трудно Димке смотреть нам в глаза, как, должно быть, он сердится на себя за то, что не бросился с нами в воду. Что теперь подумают о нем ребята?

Девочка, поживаясь и вздрагивая, села ссутулившись, запрятала ладони под мышки. Потом повернулась к Ване:

— Спасибо, мальчик! — поблагодарила она смутившегося Ваню. — Оказывается, мелко было. Но я очень боялась вытянуть ноги.

— Во-первых, бояться никогда ничего не нужно, — солидно сказал Димка, — во-вторых, когда тонешь, за шею никогда не хватайся.

Девочка пожалала крепко Ване руку, а заодно и мне с Димкой. А вот ему не следовало бы!

Когда девочка с врачом ушли, Димка примирительно похлопал Ваню по спине:

— Ты, Ваня, молодец... Мы тебе благодарность приказом объявим. Хочешь?

Мы все молчали. Как будто ничего не изменилось. Озеро по-прежнему было ласковым и манило нас в свою теплую, беспокойную воду.

ТРУДНЫЙ МЯЧ

Когда я впервые увидел Витальку в сером шерстяном свитере, черных суконных брюках, поневоле улыбнулся, с недоумением подумал: что это еще за чудаки? Все пионеры в лагере в трусах да в майках, а он словно в лыжный поход собрался.

— Не холодно? — спросил я.

— Самый раз, — без улыбки ответил Виталька.

Стоявшие рядом ребята рассмеялись.

На мои вопросы он отвечал невразумительно, невпопад, с глуповатым видом: «А? Чего? Да, погода хорошая». Ребят это забавляло. Видимо, этого и добивался Виталька. Недаром его прозвали клоуном. Но клоун не клоун, однако смешить он

старался изо всех сил и не всегда удачно. Может, чтобы смешнее выглядеть, он напяливал на себя теплый свитер и брюки, может, поэтому он ходил переваливаясь, как Чарли Чаплин, позже всех вставал с постели, разыгрывал засоню, а умываясь, мочил только нос да глаза, даже на линейку опаздывал, за что его стыдили перед всей дружиной. И тут он старался сохранить свое амплуа клоуна: невозмутимо, нарочито вытянувшись, ел глазами старшего вожатого, говоря: «Слушаюсь, будет сделано».

Только приходя на спортивную площадку, Виталька становился другим. Он грустно смотрел на футболистов своего первого отряда, рьяно старавшихся забить мяч в ворота четвертого. Ему казалось, что они и бегают тихо, и бьют все время не точно, и, вообще, плохо играют.

— Возьмите меня, — попросил он Яшку, капитана своей команды.

— Из клоуна футболист не получится, — шутливо ответил тот.

Виталька не хотел отвечать шуткой.

— Я серьезно говорю.

Капитан оглядел Витальку, словно видел его впервые, и пожал плечами.

— Попробуй.

Конечно, он старался — носился метеором по полю, но мяч был хитрым, будто нарочно дразнил. Вроде идет на ногу, но размахнешься и... мимо. Случалось, потеряв опору, Виталька падал. Ну и смеху было, болельщики даже аплодировали.

Но капитан Яшка сказал:

— Здесь не цирк, а поле. Играй по-настоящему, смешить будешь потом.

Только нападающий Костя, автор точных голов, видимо, понял, что Витальке не до шуток, тихо посоветовал:

— Ты не нервничай сильно. Бестолково носишься, быстро выдохнешься. С расчетом надо.

О расчете-то Виталька не думал. На частые замечания Яшки и других ребят отмалчивался, обливаясь потом, упрямо носился по полю, все хотел доказать свою неутомимость.

И никто не догадывался, что только самолюбие, страстное желание показать, что он не хуже других играет, удерживали Витальку на ногах, давали ему новые силы.

Но как он ни старался, кончилось пребывание его в команде

весьма печально. Пытаясь отбить мяч головой, он забил его в свои собственные ворота.

— Позорный! — кричали все. Теперь уже никто не думал смеяться, все возмущались. Кто-то даже крикнул:

— Клоун нарочно себе забил!

Это было уж слишком! Позорный гол решил участь незадачливого футболиста, его вывели из состава команды. Теперь, если кто и подсмеивался над ним, то не так уж добродушно. Да и Витальке этот смех казался обидным.

Во время матча Виталька садился где-нибудь на краю поля и, казалось, безучастно смотрел на играющих. Он не выражал ни восхищения, ни огорчения и неизвестно было, за какую он болел команду. Иногда только, на секунду вдруг преобразившись, что-то выкрикивал, замирая на полуслове, или, хлопнув в ладоши удачно забитому голу, опускал мрачно руки.

Но вот с некоторых пор он стал следить только за вратарями, за каждым их движением. Вратарь его команды, Борис, казался ему неуклюжим, неловким. К тому же было видно, что он боялся падать, делать броски.

«Бояться ни в коем случае не надо», — твердил про себя Виталька, прикидывая, как бы он поймал мяч. И получалось в воображении — мяч оказывался в его руках.

Однажды его команда проиграла соседнему лагерю «Авиатору». Во многом, как казалось Витальке, виноват был Борис.

— Давайте я попробую на воротах, — попросил Виталька Яшку.

— Да уж куда тебе, — ответил капитан. — Не смейся.

— Пусть попробует, — вступился нападающий Костя.

Капитан снисходительно пожал плечами:

— Ладно, становись.

Виталька весь напрягся. Кажется, жизнь бы отдал, чтобы поймать коварный мяч. Он казался сейчас ему маленьким. «Не бойся мяча, не бойся мяча», — твердил про себя Виталька. Капитан Яшка разбежался и пнул хитро мяч. Виталька метнулся, и мяч был в его руках!

— Да прямо в руки ударил, — сказал кто-то. — Такой любой возьмет.

И опять бил капитан. Так хорошо прыгнул Виталька в угол, но мяч, словно пригнувшись, нырнул в ворота. Вратарь задел его только кончиками пальцев... И еще раз мяч влетел в ворота.

— Не годишься, — махнул капитан рукой.

Виталька понял, что в него просто не верили.

— Давайте еще бейте, — не уходил он из ворот.

Теперь бил Костя — защитник. Виталька понял, что он может лучше ловить, но неуверенность мешала, он чувствовал себя скованно под недоверчиво-снисходительными взглядами ребят и делал ошибки одну за другой. Костя давал легкие мячи, и все равно Виталька пропускал их, словно на секунду становился слепым.

Видно, не хотел огорчать вратаря Костя, похлопал весело по плечу.

— Потренируешься с недельку, может, и возьмем.

Виталька, удрученный, пошел с поля.

— Постой, — окликнул его Валера, капитан команды второго отряда. — Хочешь за наш отряд играть?

Виталька недоверчиво посмотрел на Валеру и, не останавливаясь, махнул рукой.

— Да погоди ты, чудак, у тебя же отличная реакция. И броски хорошие, смелые.

— Отстань.

— И не боишься падать — это самое главное.

— Боюсь.

— Это хорошо — самокритика! Идем к нам. Видишь, ждут. Меня послали за тобой. А самое главное — тренировку сейчас же начнем.

Виталька улыбнулся:

— У тебя все — «самое главное». Ладно, слушаюсь, капитан, начнем «самое главное».

Виталька поймал мяч. Словно не веря, он на секунду крепко прижал его к груди. Ребята подбадривали:

— Хорошо!

— Спокойно, не нервничай!

Иногда он пропускал мяч, иногда не мог схватить его и просто отбивал руками, ногами от ворот, а иногда схватывал крепко в броске. Падал, не чувствуя боли в локтях.

Болезньщики умели ценить трудные мячи:

— Молодец!

Теперь всем было ясно, что из Витальки может получиться настоящий вратарь.

Команда второго отряда упорно тренировалась. Предстоял матч с чемпионом лагеря — первым отрядом.

...Это был жаркий поединок. Уж как старался забить гол капитан Яшка. Нападающий Костя рвался к воротам. Команда первого отряда играла напористой. Но Витальке словно кто-то помогал делать точные броски, уверенно ловить мяч. В начале второго тайма Валера забил гол. Конечно, Витальке немного было жалко свой отряд. Но игра есть игра.

За несколько минут до конца второго тайма мяч неожиданно влетел в Виталькины ворота. Ошеломленный, он не сразу понял, в чем дело. А случилось то, что однажды сделал сам Виталька. Свой защитник Коля забил «позорный». Виталька помнил, как ему было тяжело, больно, когда его ругали и стыдили ребята. Он подошел к удрученному защитнику.

— Не унывай, бывает. Самое главное — тренировка, — повторил он слова Валеры.

Локти у Витальки были содраны в кровь, но боли он не чувствовал.

— Самое главное, — сказал ему Валера после матча, — научись не разбивать локти.

Когда пришли в павильон своего отряда, Костя сказал Витальке:

— Это ведь дело такое, сразу не разгадаешь.

— Ладно, не сердись, что не взяли тебя. Если бы не ты, мы бы второму штук пять забили.

— Переходи в свою команду, — предложил Яшка.

— Да, погода хорошая! — серьезно ответил Виталька.

Но Яшке было совсем не до шуток.

МАГЕЛЛАНЫ ПУСТЫНИ

Я проснулась от стука в окно.

— Баржа пришла! — послышался за окном радостный голос.

— Бегу! — торопливо отозвался брат. Включив свет, он быстро оделся. В рабочей спецовке Алеша показался мне еще крепче. У него широкие плечи и мускулистые руки. Два года назад брат закончил десятилетку и вырос, возмужал за это время.

— С Амударьи баржа? — спросила я.

— Откуда же еще! А ты чего поднялась, спи, — приказал Алеша и выбежал из дома.

Как бы ни так, спи! Баржу с грузом с нетерпением ждут второй день строители канала. Я вскочила, но тут же снова легла и укрылась одеялом. Из другой комнаты вышел отец и, ворча, стал надевать рабочие ботинки. Потом выпрямился, глянул на меня:

— А ты чего не спишь?

— Хочу посмотреть баржу.

— Еще насмотришься, теперь они каждый день будут приходить. Теперь нам, шоферам, полегче будет...

Отец ушел. Я не могла уснуть, ворочалась. И не вытерпела — выскочила на улицу.

Днем в пустыне знойно, нечем дышать, без конца хочется пить. А ночью холодно — без пальто не выходи. Постояла, дрожа всем телом, и побежала мимо темневших вагончиков с засыпанным песком резиновыми колесами. Их было десять, этих вагончиков, пять на одной стороне, пять на другой. И называли эту короткую, просторную улицу: «Улица Романтиков». До недавнего времени здесь жили комсомольцы со всех концов страны: из Москвы и Ташкента, Свердловска и Киева, с далекой Чукотки и Сибири. Сейчас они переселились в двухэтажные дома. Но вагончики на улице Романтиков недолго пустовали: приехали десятиклассники из Фараба помогать строителям голубой трассы, работали подсобниками каменщиков, бетонщиков, плотников. Когда им предложили перейти в только что отстроенное общежитие — отказались. «Поживем как те, которые приехали в пустыню первыми», — сказал комсорг десятиклассников Марат Хамраев.

Теперь поселок выглядел довольно обжитым, а ведь несколько месяцев назад на этом месте гуляли сыпучие барханные пески. Мне даже не верится: неужели эти дома и бетонный завод построили так быстро? В поселке пока нет ни одного деревца, здесь еще царствует песок, вязко мнется под ногами, хрустит в зубах даже в тихую погоду, а когда начинает свирепствовать по целым суткам афганец — не видишь даже собственную вытянутую руку.

Я постучала в крайний вагончик.

— Марат, баржа пришла!

Никто не отозвался. Еще постучала. Молчание. Неужели так крепко спят?

— Не барабань, дочка, все ушли на разгрузку, — сказал проходивший рабочий.

С канала доносились голоса, кричали: «Ура магелланам!» Я поспешила туда. Сияла полная луна, четко освещая толпу строителей возле небольшой деревянной пристаньки. К ней приближалась самоходная баржа. Команда «Комсомольца» приветствовала строителей канала: раздавались гудки, короткие и длинные, веселые и торжественные. Впервые пустыня слушала эти гудки, впервые пришел в пустыню водный корабль. Едва баржа причалила, на пристань сошел капитан с тремя матросами. Их подхватили на руки и стали подкидывать с возгласами:

— Молодцы, матросы, спасибо!

Рабочие принялись разгружать баржу: одни передавали цепочкой кирпичи, другие выносили бумажные мешки с цементом, третьи таскали доски, укладывая их в штабеля.

Мой отец выкатывал вместе с другими шоферами бочки с бензином, солярой, автолом. Алексей со своей бригадой таскал арматуру, трубы. Я встала в конце цепочки десятиклассников и стала укладывать кирпичи на тележку. Когда нагрузили ее, трактор повез кирпичи к насосной станции. Ее строили недалеко за перемычкой, в которую упирался канал. Пройдет немного времени, построят станцию, перемычку взорвут, и вода по трубам поднимется на пятидесятиметровую высоту и пойдет далеко-далеко, на целых двести километров в сердце знойных Кызыл-Кумов.

На рассвете самоходку разгрузили. Дав прощальный гудок, «Комсомолец» поплыл обратно. Восемьдесят километров он будет плыть по каналу, потом выйдет на Амударью, чтобы со станции Фараб взять новый груз.

Я провожала глазами медленно удаляющуюся баржу. Странно было видеть, как она плыла среди песков, меж высоких песчаных отвалов. С какой-то тревожной радостью оглядела я отглаженные ветрами барханы. Там, по ту сторону канала, в необозримой серо-желтой дали пока еще будут куролесить ветра, неистовствовать, налетать на поселок песчаные бури, раскаленные солнцем. А здесь, вокруг поселка и вдоль канала, гофрированные островерхие купола барханов застыли словно на картине. Их не поднимет ветер, песчаные зыбуны прочно оплетены травами и кустарниками — гибким черкезом, белой полынью, буйноколосым мартуком. Но саксаул, пожалуй, прочнее всех вцепился корнями в пески. В мартовские каникулы мы их сажали всем классом. А

самолеты распыляли семена. И вот они принялись, и красивее стало здесь, и меньше песчаных ветров.

Справа от поселка выглядывали из гребней барханов юрты колхозных чабанов. Теперь они не только скотоводы, но и строители канала. Кому-кому, а им хорошо известна цена воды. В прошлом году было открытие канала. Ой, что тут было! Наверно, со всей пустыни съехались колхозники, чабаны. На берегу поставили палатки и все ждали воду, с нетерпением смотрели вдаль ровного песчаного русла, старики недоверчиво покачивали головами: «Неужели придет сюда вода Амударьи?» Это река норовистая, дикая, вечно меняет свое русло. И в народе ее называют Джейхун — что значит «бешеная река».

И вот заблестела на солнце вода, она поднималась все выше. Заработали колхозные насосы, и пошла влага жизни в пустыню. Долго шел праздник воды. Всюду дымились самовары — люди с наслаждением пили воду из Джейхун. Подобрела она и пришла сюда напоить людей, землю.

— Надо строить дальше канал, — говорили колхозники строителям.

И снова отец с братом и другие рабочие поселились в полевых вагончиках. Но стало уже легче: ведь раньше воду возили в цистернах за восемьдесят километров из Бухары. Пока привезут — вода горячая. Двигутся по трассе вглубь пустыни бульдозеры, срезая острыми лбами барханы, бугры, следом вгрызаются в песок экскаваторы, углубляя русло, а там, где они бессильны, помогают взрывники. Их здесь называют «громовержцами».

Дома я стала листать фотоальбом брата. Вот снимок: вдаль уходит пустыня. На волнистых барханах чернеют редкие янтаци*. Прижавшись иссушенными ветвями к песку, они напоминают туркменские шапки. Алексей написал: «Вот такая она! Песчаное безбрежье. Поневоле вопрос: где уж тут людям жить? Зверье и то рыскает лишь по ночам, днем отлеживается в песчаных норах. Неприветливое царство. Так было тысячу лет. Мы — первопроходцы — пришли сюда, и началась новая жизнь!»

На следующем снимке — человек на морщинистом лбу шестиметрового бархана. Это Алексей. У подножья — зарывшийся в песок грузовик. Отец за рулем. Бульдозер вытягивает

* Южное растение.

машину из вязкого, сыпучего плена. Надпись: «Вот так мы шли — первые лопманы пустыни. Есть что вспомнить».

Еще снимок. Девушка в брюках, соломенной шляпе, Алексей с нивелирной рейкой и пожилой человек, инженер Данилов, автор проекта Аму-Бухарского канала. Данилову шестьдесят четыре года. А он пять раз прошел в стужу и жару всю трассу в двести километров. Приезжал он и на открытие канала. Данилов тогда получил высокую награду, папа — орден.

Алексей написал: «Безоблачное небо, зной, горбатые зыбуны. Но что для девятнадцатилетних магелланов пустыни Кызыл-Кумское пекло, если инженер Данилов сказал: «Ребята, здесь пойдет вода из Аму. Нивелируйте трассу». Сколько отец построил за свою жизнь каналов и водохранилищ! Теперь он берет с собой Алексея. За два года ему приходилось быть топографом и шофером, экскаваторщиком и бульдозеристом. А сейчас он бетонщик.

Разглядывала снимки, и вдруг пришла неожиданная мысль. У нас в школе есть «Магеллан пустыни», так называли мы большой грузовой катер водоизмещением в двадцать тонн. Старшеклассники проходят на нем «практику моряка». Помогают колхозам, везут от них в Фараб дыни, арбузы, виноград. Почему бы катеру не помочь сейчас строителям канала? Капитаном судна был Марат Хамраев, он сейчас здесь.

Я поспешила к насосной станции. Ее называют строители «сердцем» канала. Марат как-то мне сказал: «Мы подсчитали, в наш котлован можно поместить пирамиду Хеопса. Высота корпуса насосной — в шестнадцать этажей. Будет шесть насосов, они поднимут воду на пятьдесят метров, представляешь? Их мощность шестьдесят кубов в секунду. Это целая река. Внутри водонапорных труб могут свободно пройти МАЗы!»

Марат нравится мне своей решительностью. Когда я училась в шестом классе, Марат сказал: «У вас было три пионервожатых, вы их допекли... Я буду четвертый и последний, понятно? Скажите какое геройство — выпрыгнуть из окна, щелкнуть по затылку девчонку, сбежать с урока, получить двойку. Признаюсь, у меня все это было, получал двойки и прыгал из окна. Скажу честно, не поумнел от этого. А вы знаете, как работают экскаваторщики в пустыне, в жару, иногда и без воды? По тысяче кубометров песка переносят, это целый состав. Видели, как бульдозер целые горы передвигает?

Видели, как самолеты сажают в песках деревья? А что вы знаете про подземную воду в пустыне? И как гидрогеологи определяют ее — пресная или соленая, чтоб напрасно не бурить скважину? Не знаете? Будем узнавать вместе!

С Маратом мы побывали у экскаваторщиков, бульдозеристов, сажали в пустыне саксаул. А когда речники подарили катер, ездили помогать колхозникам собирать хлопок и перевозить его на хлопковые пункты.

На канале Марат работал подсобником у Алексея. Сейчас они клали фундамент насосной станции.

Я не хотела отрывать Марата от работы и дождалась обеденного перерыва. Обычно он вместе с Алексеем шел в столовую. Я отозвала Марата, мы уселись на бетонную плиту. Рассказала о своих соображениях.

— Да, двадцать тонн может взять наш «Магеллан», пять автомашин заменит, — Марат ласково взглянул на меня. — Молодец, я вот посоветуюсь с ребятами и решим. Хочешь, вместе поедem?

— Очень хочу, — обрадовалась я.

...На рассвете меня разбудил отец.

— Вставай, рационализатор, еду за гравием в Чарджоу. Уговорил меня Марат, с ним поедешь, может, и правда что выйдет. Была бы нам, дочка, большая поддержка.

Марат уже возился возле машины, успел подогреть мотор, налить воды в радиатор. Отец похлопал парня по плечу.

Ехали целый день, не раз увязали в песках. Мне было жалко машину, когда она, натруженно гудя, буксовала. Казалось, сейчас заглохнет навсегда. Отец сердито переключал скорости. Мы с Маратом пытались толкать машину.

Хорошо хоть бульдозеры дежурили на всякий случай, они вытаскивали машины, засевшие в песке всеми колесами.

Серо-желтые суслики, наверно, привыкли к гудению машин, чуть отбежав от колес, вставали на задние лапки и смотрели на нас, ударяя пушистыми хвостиками по песку. Вараны застывали на барханах с недоброжелательным видом.

В Чарджоу мы приехали ночью.

* * *

«Магеллан пустыни» был готов в путь. На станции Фараб судно загрузили стройматериалами. Утром, проплыв по Амударье, свернули в канал. Марат управлял катером. Я стояла

рядом. Представьте, среди зыбучих песков вытянулся канал, вода плещется о берега, волны, конечно, не морские. Но кто мог еще недавно предсказать, что здесь будет вода течь и поплывет наш красавец «Магеллан пустыни». На песчаных отвалах вытянутого из русла грунта то и дело появляются колхозники. Они машут руками, платками и желают нам счастливого пути.

А как нас встретили рабочие! Парни из бригады Алексея, такие сильные, легко подкидывали Марата с восторженными возгласами: «Ура Магеллану пустыни!»

Возили все, что нужно строителям: кирпич, шифер, цемент, известь, краски, арматуру, плиты, гравий... Мы делали по два рейса в сутки. Это не то что плыть по морю, где безграничная гладь воды, не видно берегов. И не то что по широкой реке, где все-таки судну просторно. Мы едем по каналу шириной в тридцать метров, глядеть надо в оба, «меляки» караулят судно, а тут еще много довольно крутых поворотов. А уж если ветерок с песком задует... Кроме этого мы еще побаивались колхозных насосов. Их трубы жадно вбирали воду для орошения полей хлопчатника. И наткнись мы не такую подводную трубу — насос мог бы оказаться поврежденным, а, может, и корабль бы пострадал.

«Не волнуйтесь, возем!» — радирует Марат на стройку. «Давайте, как можете! Пожалуйста, поскорей!» — отвечают нам. Конечно, мы изо всех сил стараемся, но не всегда укладываемся за четыре с половиной часа, ночью или когда ветры с песком дуют, шесть часов плывем. Особенно трудны ночные рейсы. На реках-то фонари, буи, маяки. Перекаты все обозначены, а у нас и компас не поможет, отклонись чуть в ту или другую сторону и уткнешься кормой в берег канала, а чего доброго и в трубу насоса. А тут еще с освещением плохо. Сначала мы приспособили на корабле фары от автомашины, но они один нос судна освещали. Потом начальник Фарабской пристани выделил нам прожектор, стало хорошо.

Скоро откроется большая навигация, пустят воду по всему каналу — на двести километров. Уедут строители на другое место. А Марат хочет остаться на канале. С Амударьинской пристани Фараб повезет Марат со своими матросами дизельное масло — топливо для мощных землесосов. Канал ведь все время надо чистить: в каждом кубе амударьинской воды до восьми килограммов ила.

А кем буду я? Конечно, можно выучиться на капитана. Я слышала, на Амударье есть женщины-капитаны. А можно стать радисткой, чтобы держать связь со строителями каналов, поселками. И сообщать: «Не беспокойтесь, груз возем, скоро будем». Ведь такая весточка для тех, кто обживает пустыню, всегда приятна.

СОЛЕННЫЙ ФОНТАН

Сквозь сон слышу звяканье удил и папин голос. Комната наполнена голубоватым светом. Застыла на полу тень от сплетения рам. Тишина. Я же слышала папин голос, неужели приснилось? Но нет, опять. Подбегаю к окну, распахиваю створки. И вижу папу: он соскакивает с лошади и, что-то ласково говоря ей, заводит во двор. Я тут же выбегаю из комнаты. Папа привязывает лошадь под навесом, задумчиво треплет холку коня.

— Ну как, папа, все хорошо? — спрашиваю я, заглядывая ему в лицо.

Он, хмурясь, молча идет в дом, я следом.

— Чего не спишь, уже первый час, — сердито выговаривает мне папа. Вид у него такой усталый и обескураженный.

— Папа, ну скажи.

Он молча смотрит на меня, покачивая головой и неожиданно тихо, с горечью, произносит.

— Из колодца пошла соленая вода.

Он ходит по комнате и тихо продолжает:

— Ах, как нехорошо получилось. Все так надеялись.

Мне хотелось сейчас же побежать на буровую вышку, но отец строго сказал:

— Спи, дочка.

Рано, едва только рассвело, я вышла из поселка. Кончились сады. Бумажные мешки с удобрением лежат вдоль распаханых полей. Разделанные рядки хлопчатника уходят вдаль ровными зелеными бесчисленными ниточками. Когда подрастет хлопок, его начнут поливать, и в бороздах заблестит вода.

За садами и возделанными полями открылась беспредельная и ровная, как стол, степь. Летом здесь знойное солнце безжалостно высушивает землю, трава съезживается, бессильно никнет, желтеет. Только зловещие солончаковые плешины коварно поблескивают — издали они кажутся светлыми озерами.

Сколько земли пропадает! А земля чудесная, все будет расти: и пшеница, и хлопок, и сады... Воды бы только!

Я сворачиваю с дороги в степь. Вдали сиротливо виднеется буровая вышка. Возле нее — ни души. Из скважины невысоко выбивается заманчивая струя. По деревянному желобку вода стекает, впитываясь в землю.

Я набираю в рот воды и сразу же выплевываю: горько, соленая!

Подъезжает газик, из него выходят директор нашего целинного совхоза Михаил Иванович и еще какой-то человек в соломенной шляпе. Директор открывает багажник и протягивает ему алюминиевую кружку.

— Соленая, — предупреждаю я.

Человек грустно улыбается мне.

— Опытами занимаетесь... А почему мы должны расплачиваться за ваши фокусы? — с горечью произнес Михаил Иванович.

— В каждом деле возможны неудачи.

— Неудача обошлась нам в две тысячи, товарищ Федоров. Вы же меня уверили, что вода пойдет обязательно.

— Вода пошла.

— Даже овцы не будут ее пить. Кому нужна такая? Вы

подвели меня: я засеял тридцать гектаров хлопка с расчетом на эту воду. Что теперь буду делать?

— Рыть еще колодец! — уверенно ответил Федоров. — В другом месте рыть.

Директор покачал головой.

— Эх вы, ученый. Не верю я вам, — и направляется к машине. — Садитесь.

— Спасибо, я останусь.

Директор уехал. Федоров в задумчивости держал ладонь в струе воды. Мне захотелось его подбодрить.

— Вообще-то, наш директор не сердитый...

Федоров почему-то удивился.

— Вот как ты его защищаешь, молодец. Только на его месте самый кроткий метал бы гром и молнии... Раньше он мне верил, а теперь не хочет верить.

— Наверное, обманули его?

Федоров опять удивился.

— Ого, как вопрос ставишь. Нет, не обманул, во всяком случае, не хотел. Немного ошибся... Разве ты никогда не ошибалась?

— Еще сколько раз! Если дома ошибусь — мама поругает, если на уроке неправильно отвечу — тройку учителя ставят, а то и двойку.

— У вас, милая девочка...

— Меня Олей звать, — подсказала я Федорову.

— Спасибо, Оля. Так вот, Оля, у вас чуточку полегче с ошибками. Ты получаешь двойку, ее вписывают в журнал, дневник, тетрадь... А мою двойку впишут в судьбы совхозов. От моей двойки, если ошибусь, пострадают люди, земля. Не вырастет на ней ничего.

— Кто вы такой! — спросила я.

Федоров сказал, что он начальник водного хозяйства, распределяет воду по всем совхозам Целинного района. Он со своими сотрудниками хочет напоить досыта все земли совхозов.

— Мы ищем выход из труднейшего положения... — Федоров вдруг замолк, наверно, решил, что не пойму его. И я горячо попросила, чтобы он продолжил свой рассказ.

— Видишь, как получается, Оля, геологическая карта района показывает в этом месте воду. Но кто может заранее знать, какая пойдет: соленая или пресная. Рисковать приходится.

Федоров еще раз пробует воду, вздыхает: да, совхозу такая вода не нужна. Люди обычно считают, что орошать землю — значит обязательно рыть каналы, брать воду из реки или ее притоков. Но что они по сравнению с подземными реками! Не надо подводить дорогостоящие каналы, отпадает необходимость привлекать технику и тысячи людей на очистку и ремонт каналов, арыков.

— Сколько хорошей земли мертво от безводья! — с горечью продолжал Федоров. — А под ногами у нас бушуют сотни таких рек, как Сыр-Дарья. Мы живем на воде. И мы доберемся до нее. А пока — плохо! Видишь, Оля, как неприятно, пробуравив скважину, обнаружить соленую воду. Работа впустую случается довольно часто.

Федоров кладет руку мне на плечо:

— Я слышал, в вашей школе есть желающие поступить после восьмого класса в ирригационный техникум?

— Есть такие, — ответила я и тут вспомнила, что мой сосед, десятиклассник Алеша, хочет в ирригационный институт поступать. В прошлое лето на трудовой практике он реечником работал, помогал нивелирную съемку делать для нового совхоза. Я рассказала про Алешу.

— Знаю его, — сказал Федоров. — Толковый парень, хорошо себя показал. Просится и на это лето к нам в райводхоз помогать гидротехникам...

Без улыбки поглядел на меня внимательно Федоров и произнес:

— Может, тоже подумаешь, как без ошибки находить пресную воду?

Федоров обращался ко мне, наверно, думая, что я тоже пойду учиться в ирригационный техникум и буду думать о том, чтобы у нас стало больше воды. Я вспомнила слова Федорова о том, что мы живем на воде и вдруг словно наяву увидела огромные реки под землей, стиснутые тяжелыми пластами. Они, эти реки, бешеным потоком несутся в неизвестность...

Всегда мне было больно видеть, как быстро сгорает в степи яркая тюльпанная весна, как травинки тщетно цепляются за жизнь: воды, воды! Видела, как лопаются, рвется земля, покрываясь мелкими, узорчатыми трещинками. Только вода могла залечить эти раны.

Однажды мы с отцом шли вдоль отвода. От него, словно

мелкие кровеносные сосуды от артерии, бежали по рядкам хлопчатника веселые струйки воды. С каждым шагом воды в отводе становилось все меньше и меньше. И вот я увидела огромное поле с поникшими кустарниками. Тишина над этим полем необыкновенная: ни стрекота кузнечиков, ни птичьего гомона, даже вездесущий ветерок, кажется, обегал это поле. Больно сжалось мое сердце.

— Видишь, дочка, что бывает, когда не хватает воды. — Отец говорил глухо, сжимая в руках кетмень*. Отец мой поливальщик, я тогда поняла, как он всегда переживает, когда не хватает воды.

— Пропал хлопок... Пропал. — Мне сделалось очень грустно.

— Нет, дочка, сейчас придет вода. В этом году очень мало воды, но мы спасем этот участок.

Мы с отцом перекрыли другой отвод, и вода побежала на это поле. Отец ловким взмахом кетменя направлял веселые струйки по бороздам.

Я попросила у отца кетмень. Он казался легким, я торопилась. Пересохшая земля жадно пила воду, и она никак не могла быстро добежать до последней борозды. Вода! Идет вода! В первых рядках уже поднялись, ярче зазеленели ожившие листья.

Вот тогда я впервые подумала: вырасту — пойду работать в райводхоз.

На большой перемене ко мне подошел Алеша.

— Что с тобой, Оля? Дома случилось что-нибудь?

Я молчала. Мы с Алешей дружили. Мне нравилось, что он словно не замечал, что я младше его.

Рассказать ему или нет? Не посмеется ли он? Скажет, не нашего ума это дело. Если инженеры, изобретатели ничего не могут придумать, то что я, семиклассница, придумаю? Или Алеша — десятиклассник? Он испытующе смотрел на меня.

— Определенно случилось! Чего же ты молчишь?

Так хотелось поделиться с ним, что не стала больше раздумывать и рассказала про соленый фонтан, про разговор Федорова с директором и со мной. Я ждала, что Алеша скажет,

* Сельскохозяйственное орудие вроде мотыги, употребляемое в Средней Азии.

а он задумался, размышляя о чем-то. Раздался звонок, и мы разошлись по классам.

После уроков мы, как всегда, шли вместе. Обычно мы о чем-нибудь говорили, а сейчас шли молча. Я сердилась на него. Так и разошлись по домам.

Наутро, когда я села за стол готовить уроки, пришел Алеша.

— Понимаешь, Оля, вчера не мог тебе ничего сказать. Это же очень важное дело. Я давно об этом думал... И сегодня почти всю ночь не спал. — Он заговорил неуверенно, ожидая моей поддержки. — Понимаешь, это все касается физики, электричества.

И то, что он мне дальше рассказал, казалось настолько ясным и простым, что в это даже не верилось. Всего-то нужно несколько сухих батарей, металлические электроды и еще прибор, чтобы измерить силу тока в цепи электродов. Их нужно вкопать в землю. При увеличении влажности пород сопротивление снижается, если ток встречает на своем пути минерализованную воду. Чем больше солей в ней растворено, тем меньше удельное электрическое сопротивление.

— Нужно расчеты делать, а это нам с тобой не под силу.

— Едем к Федорову, — предложила я. — Он нам подскажет.

До райцентра было двенадцать километров. Нам повезло — сели на попутную машину. И повезло, что застали Федорова в райводхозе: собирался уезжать в степь. Когда рассказали ему про Алешину идею, он принялся что-то чертить на миллиметровке.

— Ну что ж, вы, пожалуй, на верном пути... пожалуй, открытие. — Федоров задумался. — Очень интересно. Мы сделаем аппарат, а потом надо поехать в научно-исследовательский институт для испытания. Согласны?

Через полмесяца, когда наступили мартовские каникулы, Федоров с Алешей уехали в город. Какими длинными показались мне дни ожидания! И вот наконец они вернулись.

— Удача, удача! — воскликнул Алеша, едва мы поздоровались. — Потенциометр выдержал испытание!

Вскоре в километре от соленого фснтана мы вкопали электроды в землю. Федоров поставил на карте минус. Здесь вода соленая. Много ли будет этих минусов? Мы ходили по степи и делали замер за замером, напряженно, с надеждой

всматриваясь в стрелки потенциометра. Ставили на карте зловещие минусы.

— Найдем, найдем, — шептала я, как одержимая. Сомнения сменялись уверенностью. Ночью я лежала с открытыми глазами и напряженно ждала рассвета. Мы снова шли в степь.

Наконец на двадцатом замере Федоров поставил на карте жирный крестик! В семи километрах от неудачной скважины была хорошая вода. Федоров улыбнулся.

— Теперь нам надо кое-кого убедить. А это будет трудно после неудачи.

— Убедим! — уверенно воскликнул Алеша.

— Убедим! — твердо повторила я. — Только возьмите меня.

Я догадалась, кого надо убеждать.

И вот мы в кабинете Михаила Ивановича. Он встречает нас без улыбки, чем-то озабоченный, усталый.

Федоров, кажется, не растерялся от холодного вида директора и начал спокойно говорить.

Директор словно не понял или не расслышал Федорова, почти сердито покачал головой.

— Нет и нет, — твердил он. — Хватит с меня фокусов! Не имею права напрасно транжирить государственные денежки.

Алеша постучал пальцем по корпусу потенциометра:

— Он надежно определяет качество воды.

— Спасибо, не надо мне вашего аппарата, вы дайте нам воды.

— Мы уже исследовали — недалеко отсюда есть пресная вода.

— Честное пионерское есть! — воскликнула я. — Напрасно не верите!

Михаил Иванович вышел из-за стола, подошел ко мне.

— Аппарату не верю, не могу больше рисковать, а вот вам, школьникам, я всегда верю. Вы хорошие наши помощники. Прошлый год прекрасно помогли совхозу на уборке овощей, картошки, хлопка. За это вам сердечное спасибо. А что вы помогли придумать вот эту штуку... чтоб знать, какая там вода, — директор постучал сапогом по полу, — такую сказочку я слушать не хочу. Ладно, я понимаю, вам опыты надо делать. Конечно, не сразу получается хорошо, удачно, когда что-нибудь придумываешь. Но я рисковать больше не могу. Сходите в соседний совхоз «Солнечный». Директор там молодой, энергичный, комсомолец Рогачев Валерий Юрьевич.

Может быть, он согласится провести эксперимент в своем хозяйстве.

От папы я знала, что «Солнечный» образовался недавно. Папа почему-то особенно жалел этот совхоз, мол, очень бедствует от нехватки воды. Расположен он в конце магистрального канала. Разойдется вода по другим совхозам, а «Солнечному» — что уж достанется.

Мы въехали на широкую улицу, обсаженную с обеих сторон тополями.

Вдоль главной улицы — новые двухквартирные, щитовые дома. Тут, кажется, все построено, а вот на других двух улицах шла оживленная работа. Глиняные, с подслеповатыми оконцами домики сносились. Ребята помогали строителям: сгружали с машин щиты, доски, шифер, кирпич, готовые рамы и двери. У только что выстроенных домов ребята сажали деревья.

— Прочно обосновываются, — сказал нам Федоров. — Молодцы, и поля добротнo обрабатывают, и дома быстро поднимают.

И тут Алеша выразил сомнение, как бы из-за такой спешной стройки Валерий Юрьевич не отказался бурить колодцы.

— Не думаю, — ответил Федоров, как мне показалось, не очень уверенно.

Директора совхоза мы нашли в новом доме. Присев на пороге, он постукивал ладонью по свежевыкрашенному полу.

— Подойдите! — позвал нас в распахнутую дверь. — Видите, за несколько часов высохла, что значит хорошая краска. Сегодня вселяться будем.

Выслушав Федорова, директор долго молчал, разламывая пальцами щепочку.

— Не буду заранее обещать. Посоветуюсь с людьми. Встретимся завтра.

...Проходит месяц тревожного ожидания. Мы с Алешей не замечаем, как отцветают фруктовые деревья, как на них появляется нежно-зеленая листва и как все суше и знойнее дни. Почти каждый день мы ходим на буровую вышку.

По расчетам остаются последние метры бурения. Вращается барабан с тросом, поднимая долото. Но вот на секунду барабан останавливается, затем быстро-быстро раскручива-

ется. Трос ослабевает — долото падает. И так раз за разом бур медленно, но верно уходит вглубь.

Это произошло в последние минуты перед обеденным перерывом. Долото с легкостью соломинки вытолкнулось из скважины мощной струей воды.

Рабочие, словно замороженные, смотрят на плещущий фонтан. Они протягивают ладони к струям и пробуют воду на язык. Нам с Алешей не терпится сделать то же самое. Мы смотрим на их лица. Они не морщатся.

— Попробуйте, ребята. — Мастер-буровик подносит нам граненый стакан прозрачной воды. Вода пресная, долгожданная! Вкуснее этой воды я никогда не пила. Подаю стакан Алеше. Он пьет и взволнованно смеется.

Откуда узнали люди — ветер ли им нашептал радостную весть, или уж так далеко видна эта сверкающая на солнце струя? Они окружают скважину, этот колодец жизни. Холодные капли падают на их загорелые мужественные лица. Они пьют воду.

Мой отец, придерживая одной рукой коня за повод, тоже пьет.

— Поеду за нашим директором, вот уж будет ему обидно, что не поверил вам, — говорит отец Федорову и нам с Алешей. Он скачет по степи напрямик в наш совхоз. Подкатывает на газике Валерий Юрьевич. Он обхватывает Федорова, целует. Жмет руки Алеше и мне.

— Спасибо, изобретатели!

— А вы попробуйте, может, соленая, — шутит Алеша.

Валерий Юрьевич подставляет под струю сложенные в пригоршню ладони...

Подъезжает еще машина. Следом за ней скачет на лошади мой отец. Из машины выходят Михаил Иванович и еще люди из нашего совхоза. Ни на кого не глядя, директор спешит к скважине. Ему подают стакан. Он делает глоток, потом другой. Лицо его выражает удивление. С виноватой улыбкой он подходит к нам и молча оглядывает, словно впервые видит.

— Вот так опыт. Хороший опыт... Не обижайтесь, все мы ошибаемся.

— Я тоже об этом когда-то говорил, — напоминает Федоров.

— Не сердись. Бури нам сразу три колодца. Или пять... Сколько можешь.

— Нет, дорогой сосед, мне сейчас еще два колодца нужны, — вмешивается с улыбкой Валерий Юрьевич.

Наступили сумерки. Все ушли. А мы с Алешей сидим около фонтана жизни и думаем, что теперь их станет много, они никогда не иссякнут, будут вечно служить людям.

ПЕРВЫЙ ДОМ

Отец и сын сошли с поезда. Возле вагона стояла женщина с букетом — она кого-то встречала. Иван Федорович так и замер: цветы напомнили о далеком лете, когда он впервые приехал в этот удивительный город. Иван Федорович тогда опоздал, прибыл лишь на третий месяц после землетрясения. Над городом стояла пыль — улицы очищали от развалин и мусора, сносили ветхие домишки. На их месте должны были вырасти многоэтажные гиганты. Особенно поразило тогда Ивана Федоровича на этих взбудораженных улицах множество цветов.

Все эти годы он не забывал Ташкента. Очень хотелось увидеть, каким он стал — город, в который вложено столько труда и души. Разве можно забыть два года напряженной работы под жарким, беспощадным солнцем. Даже зимой оно было слишком щедрым и мешало россиянам работать. Что поделаешь — привыкли. Все было: и жажда, которую он никак не мог утолить, и головные боли от непривычной жары, но это быстро забылось. А помнятся лишь дома. Теперь в этих домах живут люди и добрым словом поминают строителей, в числе которых была и его бригада. Живя во Владимире, он часто вспоминал свой первый дом, возведенный в этом городе. Иван Федорович и сыну, если принимался рассказывать, непременно говорил именно об этом доме.

Когда они закончили его строительство, бригаду перебросили на другой конец города, и как-то некогда уже было сходить посмотреть на новоселов. Иван Федорович тогда просто был доволен, что дом сдали и неизвестные ему восемьдесят семей получили кров, уют, начали новую жизнь.

Вспоминал Иван Федорович и Шарипа-ака. Это он научил его бороться с жаждой. «Не пей холодную воду — не напьешься», — говорил бригадир каменщиков и наливал Ивану Федоровичу неполную пиалу чая. Это вначале удивляло: чего же тут пить? «Думаешь, мало, — улыбался Шарип-ака. — Понемно-

жечку надо... и чаще». Иван Федорович научился пить чай маленькими глоточками, без сахара. И жажда пропадала...

— Папа, почему молчишь? — сын нетерпеливо дернул Ивана Федоровича за руку. — Не знаешь, как ехать к дяде Шарипу?

Они все еще стояли на привокзальной площади. Иван Федорович повел сына на остановку. Надо было ехать в новый район — Чиланзар. Шарип-ака получил квартиру. В последнее время что-то не было писем от Шарипа-ака. Обычно старик отвечал аккуратно. Как правило, он заканчивал свои послания просьбой: «Приезжай, Иван Федорович... Письмо — не глаза. Письмо — не уши. Хочется повидаться, приезжай, будешь дорогим гостем».

Обеспокоенный молчанием, Иван Федорович наконец-то решил съездить к старому другу — неужели всерьез расхворался Шарип-ака?

И вот Иван Федорович с сыном здесь, в Ташкенте.

Чиланзар. Зелень, зелень. Иван Федорович задержался возле нового дома, густо обсаженного молодыми тополями. Алеша вопросительно смотрит на отца, затем на дом.

— Папа, ты не заблудился?

— Да нет, сынок, это и есть дом Шарипа-ака.

— Почему же мы стоим?

— Видишь ли, этот дом я тоже строил...

Им открыла черноволосая полная женщина, в широком цветастом платье.

— Ой, Иван, Иван! — воскликнула женщина, и губы ее задрожали. Секунду-другую она сдерживалась и вдруг зарыдала, покачивая головой:

— Ой, Иван, Иван...

Алеша непонимающе смотрел то на отца, то на женщину. Конечно, это была Барно-апа. Отец много рассказывал о ее доброте и гостеприимстве. «Вот увидишь, с какой радостью встретит нас Барно-апа», — говорил он. А теперь отец закрыл глаза, словно ему было больно смотреть на плачущую женщину, по его щекам тоже текли слезы. Он тихо приговаривал:

— Ничего... Не надо... Не плачь, Барно-апа... Живым жить...

Барно-апа обняла Алешу.

— Ой, милый, ой, хороший... Дорогие гости мои.

Она провела их в комнату и торопливо принялась подавать на стол угощения: сушеный урюк, виноград, персики...

— Шарип-ака все время вспоминал тебя, Иван Федорович, очень он тебя любил... Все собирался съездить посмотреть Владимира.

Да, Иван Федорович в каждом письме приглашал узбекских друзей...

Барно-апа вновь поднесла кончик платка к глазам:

— Другие давно на пенсию пошли, а он не хотел.

— А кто вместо него? — спросил Иван Федорович.

— Бригада у него была молодежная — из десятиклассников. Вот он и учил их. Сейчас бригадиром Акрам — двадцать лет ему всего. Приходят ко мне ребята. Только вчера были. Видите, — Барно-апа показала на большой букет хризантем.

— Да, Шарип-ака любил хризантемы.

Барно-апа показала Алеше снимки мужа — веселым человеком, наверное, был Шарип-ака, улыбается всюду. Вот последняя фотография — здесь он снялся со своей бригадой. Алеша всматривался в лица ребят. Совсем недавно они учились в школе, а теперь строят дома.

— Барно-апа, — сказал Алеша. — можно посмотреть, как они строят?

Женщина улыбнулась:

— Можно, конечно, можно. Обязательно поведу вас к ребятам...

— Завтра пойдем, — сказал отец. — А сегодня мы с сыном посмотрим мой первый дом.

Жизнь в городе в те дни была какой-то радостной, приподнятой, беспокойной. По улицам без конца сновали мощные грузовики и самосвалы. Стремительно удлинялись маршруты трамваев, автобусов, троллейбусов. Ташкентцы с каждым днем все меньше узнавали свой город; они радовались этому и одновременно сожалели: исчезали тихие, уютные улочки, на их месте уверенно выстраивались громады домов.

Иван Федорович уезжал тогда осенью, в пору хризантем. Сейчас они приехали с сыном в декабре, но хризантем по-прежнему много, их охапками продают на каждом углу. Есть и другие цветы. Розы в клумбах еще держатся, но лепестки их уже от ночного холода увядают. И все же среди всех цветов, конечно, выделялись хризантемы, нарядные, крупные.

— Давай повезем цветы домой, как раз к Новому году, — сказал Алеша.

— Не довезем, сынок, у нас сейчас минус двадцать градусов.

— В вагоне теплынь, а в Москве через переход и — на Владимир. Завернем букет в газету.

— Вот что, Алеша, мы сейчас купим хризантемы и отправимся навестить Шарипа-ака.

Букет был щедрым и свежим.

Алеша осторожно взял цветы, и они пошли к остановке.

На кладбище Иван Федорович долго стоял у могилы старого мастера.

— Прости, что опоздал, дорогой друг, — тихо сказал он. — Спасибо тебе за все. Ты был хорошим человеком и учителем. Я никогда не забуду тебя...

— И я не забуду, — прошептал Алеша.

Первый дом. Из рассказов отца Алеша понял, что это дом особенный. Алеша видел его во сне — высокий-высокий, самый большой и красивый в Ташкенте. И все любят его, и все знают, что строил его папа с бригадой.

...Они ехали на троллейбусе. И куда бы Алеша ни посмотрел, везде были новые дома.

— Вот этот мы с Шарипом-ака строили, — указал отец на один из домов. Он был обыкновенный, как все. Алеша даже разочаровался: ему казалось, что те дома, что строил с

бригадой отец, должны отличаться от других, должны сразу же бросаться в глаза. Когда Алеша сказал об этом, Иван Федорович рассмеялся:

— Мы строили по плану. Да, наши дома такие же, как все остальные, но бригада Шарипа-ака работала быстрее всех, а это главное. Люди ведь жили в палатках. Летом в них жарко, душно, зимой — холодно, вот мы и старались, чтобы пострадавшие как можно скорее получили благоустроенное жилье. Так разве наши дома не особенные?! Они самые первые, самые быстрые.

Они сошли с троллейбуса и вновь увидели новые строения.

— Вот, Алеша, смотри, — показал отец на дом, окруженный клумбами цветов. — Это и есть мой первый дом.

Алеша и на этот раз ждал чего-то необычного, но нет — обыкновенный дом, как на него ни смотри.

Иван Федорович понял, о чем думает сын, похлопал его по плечу.

— Вот когда ты построишь свой первый дом, или сделаешь первую машину, или откроешь новую звезду, поймешь, сын, меня...

Они поспешно обошли вокруг дома. Отец почему-то всматривался в кирпичи. И вдруг остановился.

— Видишь? — Иван Федорович показал на застывший рубец раствора между кирпичами. — Видишь, вот тут гладкий рубец, это я штапиком проводил, есть такой инструмент, чтобы красивая линия между кирпичами была. А вот тут неровная линия, раствор кусочками так и остался, когда придавили его кирпичом... Так вот это плохая работа, и я в ней виноват. Забыл провести штапиком, — а через два-три часа уже поздно было — засох раствор, а рубчик надо сразу по сырому раствору делать. Шарип-ака сказал мне тогда: «Видишь, Иван Федорович, этот маленький изъян так и останется отметиной». Неловко мне было перед бригадиром, а что делать, уже не исправишь.

— Давай зайдем в какую-нибудь квартиру, — вдруг предложил отец.

Зашли в ближайший подъезд. Он позвонил в дверь на первом этаже. Открыл мальчик.

— Родители твои дома? — спросил Иван Федорович.

— Нет, на работе.

— Ты нам не позволишь зайти?

— Пожалуйста, — мальчик с недоумением смотрел на незнакомцев.

— Тебя как звать-то?

— Рустам.

— Меня зовут дядя Ваня, а сына моего — Алешей. Мы приехали из Владимира, хочется посмотреть на новый Ташкент. Понимаешь, Рустам, я строил этот дом. Ну как, Рустам, нравится тебе здесь жить?

— Мне-то нравится, а маме не очень.

— Почему? — удивился Иван Федорович.

— Она привыкла, чтобы дворик был, чтоб арык журчал... Раньше скучала по земле, теперь привыкла. А знаете почему? — мальчик хитровато улыбнулся. — Мы часто в гости ходим к одним знакомым. Там маме и дворик нравится, и арык, а вот дом ее не устраивает. Газа нет, воды нет, парового отопления тоже нет. Теперь, наверное, если предложить ей старый дом — не пойдет. — Рустам вскинул на Ивана Федоровича вопросительный взгляд. — Хотите я домкома позову, поговорите с ним?

— Ладно, Рустам, я сам схожу к домкому, а вы пока познакомьтесь.

Иван Федорович ушел.

Рустам повел Алешу в свою комнату. Из тумбочки он вытащил аккуратно приколотые к бархатке значки. Их было много. У Алеша глаза разбежались. Ни у кого он еще не видел такой богатой коллекции. Сам Алеша собирал марки. Вот так же, в тумбочке у него лежало несколько папок с марками.

— Какой самый красивый? — спросил Рустам.

— Все нравятся...

— Смотри лучше, — настаивал Рустам.

Алеша долго выбирал лучший значок. Рука его притрагивалась то к одному, то к другому.

— Говори, говори, какой. Этот? Или этот? — нетерпеливо спрашивал Рустам.

Наконец Алеша указал на большую юбилейную медаль в честь Волгограда.

— Медаль? — Рустам взял ее, подержал в руках и протянул Алеше. — Возьми в подарок.

— Что ты! — отдернул Алеша руку. — Это же у тебя самая лучшая.

— У узбеков есть такой обычай: понравившуюся вещь дарить гостю.

Как Алеша ни отказывался, но взять пришлось.

— Ладно, возьму... — согласился он наконец. — Только я в ответ пришлю тебе самую редкую марку, ладно?

— Хорошо, — обрадовался Рустам. — Очень хорошо. На память...

Вернулся Иван Федорович, вместе с ним вошла уже немолодая женщина.

— Знакомься, Алеша, это Нина Михайловна — домком. Предлагает погостить у них, как считаешь, стоит принять приглашение?

— Папа, ты же дал слово Барно-апа. Сам всегда говоришь, раз дал слово...

— Его надо сдержать, — добавил отец. — Видите, Нина Михайловна.

— Ну хорошо, убедили. Не забывайте только нас, приходите... Если бы вы знали, как мы ждали этот дом. Спасибо вам за то, что его на три месяца раньше срока сдали. Иначе бы пришлось зимовать в палатках.

Иван Федорович и Алеша попрощались с Ниной Михайловной и Рустамом.

— Теперь поедem в бригаду Шарипа-ака, — сказал отец, когда они вышли. Он еще раз окинул взглядом свой первый дом.

— Прощай, родной. Красивый ты у меня!

И Алеша повторил:

— Самый красивый...

ЧЕМПИОН

Ребята, прищурившись, смотрели вниз. Высокая заснеженная гора сверкала под лучами солнца. Вдали виднелись плоские крыши домов колхоза, и в центре его — белое здание школы.

Коля взглянул на Мишу и неуверенно сказал:

— Опять, наверное, упаду...

— Ну и что же. Я тоже падал, когда учился. Это со всеми бывает, — поучительно сказал Миша. — Самое главное — не бойся, и тогда не упадешь.

— А я и не боюсь, — храбрясь, вымолвил Коля, хотя сердце у него билось тревожно: уж очень крутая гора.

— Ну, помчались, — нетерпеливо сказал Миша товарищу. Чуть согнув колени, Миша легко оттолкнулся палками, и лыжи заскользили по наезженной лыжне. Ветер усиливался, обжигал холодом разруганные щеки лыжников, забирался под пальто.

Коля облегченно вздохнул, когда они проехали самое крутое место: здесь он всегда падал.

— Проехали! И не страшно!

Миша оглянулся и увидел совсем веселое лицо Коли.

— У нас в Игарке с таких гор первоклассники катаются... И то не падают.

До самого кишлака тянулся пологий спуск. Хорошо ехать с Соколиной горы на лыжах! Бил в лицо встречный ветер. Миша запел во всю мочь:

Быстрее летите, лыжи!
Сильней, сильней размах!
Мороз румянец выжжет
На всех щеках.
Пусть ветер нас пронизет,
Пушай посолит снег, —
Быстрее летите, лыжи,
Сильней разбег!

Он взмахнул палкой и задорно крикнул товарищу:

— А ну, догони!

И вдруг случилось совсем неожиданное. Потеряв равновесие, Миша упал. Пригнувшись, напрягая все силы, Коля затормозил и сам удивился: как же он смог остановиться на такой круче? Быстро отстегнув ремни, он подбежал к Мише. Товарищ лежал на боку и растерянно смотрел на свои лыжи.

— Больно? — с тревогой спросил Коля, помогая товарищу встать.

— Сломал... — с отчаянием, тихо сказал Миша.

И только сейчас Коля увидел сломанную лыжу.

— Это я виноват, — с болью в голосе произнес Коля. — Если бы вместе со всем звеном вернулись, не сломали бы.

— И несколько ты не виноват, ты правильно решил: пока не добьешься своего — не возвращаться домой. Настойчивость в лыжном спорте — самое главное... — Взглянув на сломанную лыжу, Миша осекся: что теперь делать? Словно не веря своим глазам, он взял обломок лыжи в руки.

«Смеяться ребята будут, — подумал. — Чемпион школы,

взял первое место на соревнованиях, и вдруг сломал лыжи. Лучше бы я себе ногу сломал».

— Коля, ты мне друг? Скажи, друг?

Коля молча кивнул головой.

— Никому не говори, что я сломал.

— Все равно узнают... Сдавать будем, Мария Захаровна сразу увидит.

— Не узнают... Твое дело молчать — и все, — уже сердито добавил Миша.

Дома Миша обмакнул концы лыжи в воду, соединил их и вынес на мороз. Когда обломки смерзлись, затер их снегом. Вскоре он осторожно нес лыжи в школу. Обычно у кладовой всегда толпились ребята: кто брал лыжи, коньки, санки, кто сдавал их. А сейчас как назло, не было ни одного человека. «Не везет мне», — с досадой подумал Миша.

— Вот лыжи, Мария Захаровна, — робко сказал Миша. Словно жарким ветром повеяло на его лицо. Он опустил глаза.

— Долгонько, чемпион. Твое звено давно вернулось.

— Задержался...

— Знаю, знаю. Тебя, сибиряка, хлебом не корми, а только бы на лыжах.

В другое время Миша обязательно рассказал бы ей, как далеко они ходили на лыжах и какая крутая Соколиная гора. Рассказал бы, как Коля боялся съезжать с горы. Но сейчас он хотел поскорее уйти с глаз Марии Захаровны.

Он выбежал из школы и оглянулся. Ему показалось, что Мария Захаровна вышла следом, чтобы сказать: «А лыжи-то сломал, чемпион».

Миша увидел ребят, направляющихся к школе. Впереди шел в спортивном костюме Сережа — председатель совета отряда.

— А мы искали тебя, — обрадованно сказал он. — Третьеклассники тоже хотят участвовать в кроссе. Надя уже включила их в список?

— Умеете кататься? — спросил Миша, хмуро оглядывая ребят.

— Мы чуть-чуть умеем...

— Мы быстро научимся...

Миша покачал головой:

— До кросса осталась неделя — не успеете.

— Так нельзя, — торопясь, заговорил Сережа. — Ну куда

это годится? Да никуда это не годится! Вовлекать ребят надо, а ты...

— Я сам знаю... Мне некогда, — сердито бросил Миша и, отвернувшись, пошел прочь.

Сережа удивленно посмотрел вслед Мише и пожал плечами: «Что с ним? Он всегда так радовался, если кто-нибудь записывался в кружок».

— Ну, что будем делать? — спросили его ребята.

— Ладно, без него на тренировку поедem, — ответил Сережа.

Мария Захаровна выдала ребятам лыжи и предупредила:

— Глядите в оба, подарок ведь. Я бы тоже покаталась на таких, да старая уж...

Сережа взял лыжи. Взгляд его задержался на затертом снегом конце лыжи. Он тщательно стер варежкой снег и увидел зубчатую трещину. Надавил на конец, в руке оказался обломок.

— Вот так лыжи! — удивленно воскликнул Сережа.

— Сами ломаются! — ахнули ребята. Каждый стал рассматривать свои лыжи. Мария Захаровна всплеснула руками.

— Ах, батюшки! Да как же это ты, Сережа.

— Это не я, — растерянно оправдывался Сережа, — так и было... Смотрите, так и было.

Сторожиha взяла сломанную лыжу и долго внимательно осматривала ее.

— И верно, Сережа. Рукой-то разве сломаешь?

Мария Захаровна стала какой-то грустной. Ребята никогда не видели ее такой. Она села на стул и покачивала поседевшей головой.

— Обманул кто-то меня, — тихо сказала она.

А Миша и Коля в это время молча шли по улице. Сухой и мелкий снежок, казалось, отскакивал от обледелой дороги, и ветер, подхватывая снежинки, уносил их вдоль улицы. На стройных тополях и развесистых карагачах шумели вороны.

— И ничего не придумаем, — нарушил наконец тягостное молчание Коля. — Раз сломал, надо сказать, и все.

Пока Миша сдавал лыжи, Коля взволнованно ходил взад и вперед под окнами школы. Увидев друга, он бегом бросился ему навстречу, — где-то в глубине души Коли жила надежда, что Миша во всем признается. Как тогда было бы хорошо!

— Обманул? — тихо спросил он, не глядя товарищу в глаза.

— Не приставай! — сердито крикнул Миша.

— А ты не кричи, чемпион, — с болью в голосе сказал Коля.

— Опять чемпион! Сколько раз говорил: у меня имя есть.

Кишлак уже остался позади, и вдаль показалось белое здание колхозной гидростанции, а ребята все шли и шли.

Миша, засунув руки в карманы пальто, шел ссутулившись, словно на его плечах лежала огромная тяжесть. Если бы он разбил окно или списал с чужой тетрадки решенную задачу, в этом он мог бы признаться и учительнице, и ребятам. А вот про лыжи... просто невозможно. Ведь он руководитель лыжного кружка. Скольких ребят научил он кататься на лыжах! И вдруг... Сломал!

— Ты не приставай. Говорил — не скажу, значит, не скажу.

Коля схватил друга за плечо и сурово взглянул ему в глаза.

— Какой же ты пионер, если боишься сказать правду?

— Не твое дело.

— А вот мое. Вся школа теперь узнает, что кто-то из нашего звена — обманщик. Если ты не расскажешь, я расскажу...

Миша круто остановился.

— Ябеда! — закричал он, подступая вплотную к Коле. — Еще учил тебя на лыжах кататься, хотел записать в первую десятку на кросс. А ты ябедничать. Все, ты мне не товарищ! — Круто повернувшись, Миша побежал в кишлак.

— Миша, — крикнул ему вслед Коля, — подожди!

«Зачем же он меня хотел в первую десятку? — мучительно размышлял Коля. — В первой десятке лучшие лыжники. А мне еще много тренироваться надо».

Когда Миша подходил уже к дому, навстречу с веселыми шутками пробежали на лыжах ребята. Впереди всех Сережа. А ведь совсем недавно Сережа не умел даже встать на лыжи. Он, Миша, научил его.

Лыжники приветствовали признанного чемпиона школы веселыми возгласами. А чемпион, посторонившись, невесело смотрел на ребят и думал: что бы они сказали, если бы узнали, как он сегодня сломал лыжу и как обманул доверчивую и добрую Марию Захаровну.

Дома Миша несколько раз перечитал условия задачи. Не выходила. Мысли разбегались: казалось, что вот сейчас войдет Мария Захаровна со сломанной лыжей, а за ней вожатая Надя, Сережа и все ребята. Миша захлопнул задачник и взглянул

в окно: никого не видно. Короткий зимний день уплывал за горы. Сгущавшиеся сумерки усиливали беспокойство Миши. Еще утром все было хорошо, ни от кого ничего не нужно было скрывать, он мог спокойно смотреть кому угодно в глаза, мог петь и смеяться, шутить с ребятами, а сейчас он мучительно гадал: «Скажет Коля или не скажет? Если не скажет, то никто не узнает. А если скажет?...» Но этой мысли он никак не мог допустить: лучше сквозь землю провалиться. Миша подошел к своей кровати. У изголовья висела большая фотокарточка. Весь пятый класс с упреком смотрел на него. «Вот так чемпион: сломал лыжи — и в кусты» — казалось, говорили глаза товарищей. Недалекое прошлое ясно встало перед глазами Миши. Он идет вместе со своим звеном в последний раз на пристань Игарки. Ребята попеременно несут багаж — два чемодана.

— Устанете, ребятки, давайте я понесу, — говорит мать.

— И вы тоже устанете, а нас много, целое звено, — отвечают ребята.

Когда Миша с мамой сели на пароход и протяжный гудок пронесся над Енисеем, слезы навернулись на глаза Миши. До свидания, Игарка, самый лучший город на свете!

— Пиши чаще письма! — кричали с берега друзья и долго махали фуражками. Пароход удалялся, и уже не узнавал Миша лиц товарищей, но их красные галстуки он еще долго видел. На пароходе он думал, что никогда, наверно, больше не встретит таких хороших и дружных ребят, какие были в его звене.

В Игарке стояла холодная, дождливая осень, а здесь, в Узбекистане, куда он приехал, листья деревьев были еще совсем зелеными и цвели цветы. Таких теплых дней в Игарке не было даже в самый жаркий месяц июль, когда солнце совсем не заходило за горизонт. Миша очень удивился, когда ему сказали, что снега здесь почти не бывает. А как же на лыжах кататься? Миша твердо убежден, что без лыж никак нельзя жить. На его счастье, а Миша был уверен, что это на его счастье, мать направили работать на высокогорную метеорологическую станцию. «Зимой снега в горах сколько угодно», — сказала ему мать.

Кишлак, куда приехали Миша с матерью, находился в небольшой долине. Неширокая, но быстрая речка Кок-Су была прозрачно-голубой. Когда Миша окунулся в речку,

у него захватило дух. «Такая жара, а вода, как лед», — подумал он удивленно. Едва Миша вылез из воды, к нему подошел мальчик в одних трусиках, черный от загара. Но зато волосы у него были совсем белые. «Вот это загорел», — позавидовал Миша.

— Жарко у вас, — сказал Миша, кивнул головой на солнце.

— А у вас? — мальчик дружелюбно улыбнулся.

— У нас нет. На Енисее жарко не бывает. И тайга рядом.

— А где лучше, у вас или у нас?

Миша ответил не сразу.

— Наверно, у нас.

— Еще как сказать. Поживи, тогда говори.

Миша согласился со словами мальчика и назвал свое имя.

— А меня зовут Коля... Ты умеешь по горам лазить?

— А как же! Я люблю лазить.

По склонам вился дикий виноград, росла алыча. Коля нарвал алычи.

— Ешь, у вас алычи нет.

Миша ел кисло-сладкую алычу и говорил:

— А ты, как коза, бегаешь по горам.

Коля рассмеялся.

— Привычка. И ты привыкнешь.

Коля стал расспрашивать про Игарку. Но Мише сейчас не хотелось рассказывать. Уж очень хорошо было смотреть вниз, в долину, которая отсюда казалась сплошным зеленым ковром. Кишлак утопал в зелени. Впервые Миша увидел яблоки не в магазине, а на деревьях, кисти черного и красного винограда не в корзинах, а обильно свисавшими с вьющихся лоз. Все для него на новом месте было необыкновенным, солнечным, радостным.

В первый же день, как только Миша пришел в класс, ребята попросили его рассказать, как живут школьники в Игарке. Внимательно слушали Мишу одноклассники. Им очень хотелось побывать в далекой Игарке, посмотреть на многоводный, красивый Енисей, которому «конца-краю нет», как говорил Миша, покататься на пароходе, попутешествовать по дремучей тайге, где водятся даже медведи.

— Класс у нас был дружный. Решили в кино, значит, все, как один, в кино. В театр — значит, в театр. Если субботник, все, как один, на субботник. Никогда не подводили друг друга.

А зимой вся школа выходила на Енисей. Кто на лыжах, кто на коньках и санках. С крутого берега — и прямо на лед Енисея.

— У нас зима короткая, — сказал Коля, — не успеешь оглянуться — уже тает.

— Какая бы зима ни была, кататься все равно можно, — возразил председатель совета отряда Сережа Локтев.

Однажды на отрядном сборе Миша прочел письмо товарищей из Игарки. Они рассказывали о своей учебе: «В первой четверти только у одного Вити Филимонова есть тройка. Он нас просил, чтобы тебе об этом не писали. А мы ему сказали, что обещали тебе обо всем писать. Ведь и ты нам обо всем рассказываешь. И как это ты сейчас без шапки и в одной рубашке ходишь? Смотри, не простудись. А у нас снега целые сугробы. Миша, весь наш класс просит прислать нам хлопковый куст. Мы никогда не видели хлопка».

— Надо было раньше, хлопок уже собрали, — сказал вожатый звена Ильдар Мамашев. — И почему мы раньше не догадались?

— Можно взять со школьной сельскохозяйственной выставки, — предложил Сережа. — Пять кустов пошлем, пять себе оставим.

Все ребята согласились.

— Сегодня же пошлем, — предложил Коля, — и напишем, сколько собрали урожая.

Ребята отобрали лучшие кусты хлопка и послали в Игарку. И с тех пор идут из южного высокогорного кишлака в далекий, окруженный лесами порт Игарку обстоятельные письма. Обо всем рассказывают ребята: о полученных двойках, об отличниках, об опытном пришкольном участке, о походе на высокую гору «Пионер», о том, кто кем мечтает быть.

И аккуратно идут ответные письма.

Однажды пришли в школу две посылки — длинные узкие ящики. И никто из ребят не мог отгадать, что же в этих ящиках. А были в них лыжи — десять пар новеньких лыж. А за окнами школы в это время шел густой и крупный снег. Первый снег. Вожатая Надя предложила организовать лыжный кружок. Руководителем кружка ребята единогласно выбрали Мишу. В этот же день в кружок записалось много ребят. Миша был счастлив, представляя, как в первый день новогодних каникул десять лучших лыжников откроют лыжный кросс.

А вот теперь все нарушилось, и он не знает, как быть дальше.

Миша решил пойти в школу. Он боялся и в то же время хотел увидеть Марию Захаровну: «Может, она все уже знает. Коля уже наябедничал. Если наябедничал, она отругает, и все, только бы никто из учеников не слышал».

В школе было пусто. Занятия второй смены окончились. Миша зашел в свой класс и сел в углу у окна. Хотя свет он не включил, в классе было светло. От луны снег искрился, и этими искрами, казалось Мише, была наполнена вся комната. Он слышал, как напротив, в соседнем классе, плескалась вода: это, наверное, Мария Захаровна выжимает тряпку. Вот слышно, как она трет пол, потом закрипела передвигаемая парта. Миша выскочил из класса.

— Я помогу вам, Мария Захаровна, — предложил он.

— Ну что же, помоги, — сказала она, улыбаясь. Обмакнув в ведро тряпку, стала мыть в том углу, откуда Миша только что передвинул парту. Платок на голове Марии Захаровны спустился на глаза. Она то и дело поправляла его.

— Мария Захаровна... Я вам платок поправлю...

— Поправь, поправь, сынок. Руки-то у меня мокрые.

Миша подвязал Марии Захаровне платок, сел за парту и стал наблюдать, как она моет пол.

— А я тоже могу полы мыть, — сказал вдруг Миша. — Не верите, да?

Он стал засучивать рукава.

— Верю, верю, — поспешно сказала Мария Захаровна и рассмеелась: — Ну и молодец ты, сразу рукава засучиваешь.

Мария Захаровна положила тряпку на край ведра и подошла к Мише.

— А ты почему домой не идешь? Уроки бы лучше делал, чем тут болтаться.

— Нет настроения...

— Вот тебе, новое дело — настроения нет, — Мария Захаровна посмотрела внимательно на мальчика. — Ты чего такой... Вроде как больной?

«Расскажу, — решил вдруг Миша, — пусть ругается. Здесь никто не услышит».

— С лыжей вот получилось...

— Да, очень плохо получилось, никуда не годится. Это из вашего звена трусишка... А кого обманывает — себя ведь. На лыжах-то не мне кататься. Эх, горечко. Ну, как ты думаешь, кто в вашем звене такой?

— Н-не знаю.

— И я вот не знаю, просто ума не приложу. Подозрение есть, но верить не хочется.

— Кто? — испуганно спросил Миша и даже привстал.

Мария Захаровна задумалась: ей, видно, было тяжело говорить о своих догадках.

— Может, я ошиблась... Вы с Колей сдали лыжи последними. Я его и твою пару подала Сереже. Одна из них оказалась сломанной.

Миша покраснел, опустил глаза.

— Ну, вот чудак, на тебя я не думаю. Может, Коля? Он твой друг, вот ты и поговори с ним.

— Нет, нет, что вы. Мы вместе были... Он не мог.

— Значит, я ошиблась. Вот и хорошо. И на душе у меня легче стало. Думаю: такой старательный парень. Бывало, летом уже солнышко садится, а он все на школьном огороде копается. Да хватит, говорю, иди домой. А он разогнет спину и поет... Нет, он не может обманывать. У него вся семья хорошая.

Всю дорогу Мише слышались слова Марии Захаровны: «Нет, он не может обманывать. У него вся семья хорошая». «И у меня мама хорошая, — думал Миша, — а я вот могу обманывать. Могу».

На повестке дня отрядного сбора был один вопрос: кто сломал лыжи? «Кто?» — спрашивали друг друга пионеры и терялись в догадках. Обычно собрание проходило оживленно, а сейчас ребята тихо сидели за партами и с каким-то недоверием и осуждением поглядывали на первое звено. Каково было первому звену?

Пионервожатая Надя сидела за учительским столом. И даже ни разу не улыбнулась. В глазах ее ребята видели упрек. Нет, она никогда не ожидала, что кто-то из них способен обмануть Марию Захаровну. Рядом с вожатой сидела Мария Захаровна в новеньком черном халате. Из нагрудного кармана выглядывал знакомый ребятам полосатый носовой платок. Сейчас она то и дело вытирала им выступавшие капельки пота на лбу. Сидела Мария Захаровна в классе любимых учеников и волновалась. Разве она когда-нибудь думала, что эти ребята обманут ее? Она любила свою школу, шумных, веселых ребят и всегда хотела им только добра. Оторвется у тебя случайно пуговица — и хочешь ты или не хочешь, заведет в свою комнату.

Каких только нет пуговиц у нее в жестяной баночке из-под липового меда! Подберет нужную и крепко пришьет. Разорвался у тебя рукав рубашки — она обязательно увидит. А когда узнавала, что кто-нибудь получил двойку, зазывала к себе в комнату и, покачивая головой, стыдила:

— Ну, чего тебе не хватает? Родители обувают, одевают, кормят. Думают, сыночек выучится, инженером будет. А ты, лодырь, двойки получаешь. И не стыдно? Я вот старая, и то учусь. Мне-то потрудней, а я и работаю и учусь.

И вот она сидела за столом, аккуратная, строгая, с гладко причесанными седыми волосами. И ждала, ждала, что встанет один из ребят и скажет: «Это я сломал лыжи. Я обманул Марию Захаровну. Простите меня. Я больше никогда обманывать не буду...» И сразу бы помолодела Мария Захаровна, на душе стало бы радостно. «Я уже простила, — сказала бы она. — Никогда больше не обманывай. Обман все равно откроется. И тогда позор. А правдивому человеку всегда почет и уважение».

Председатель совета отряда Сережа рассказал, как было:

— Я только взял, смотрю, снегом затерта, я только дотронулся — лыжа сломалась. — Он посмотрел на первое звено. — И не стыдно обманывать? Мы уже большие и красный галстук носим не для того, чтобы его позорить. Ну, куда это годится? Да никуда это не годится... — Сережа посмотрел на вожатую и сел.

Надя обвела укоризненным взглядом весь класс.

— Сломать лыжи невзначай может каждый из вас. Ничего в этом позорного нет. Верно?

Ребята единодушно согласились, что сломать лыжу может каждый, особенно тот, кто еще только учится кататься.

— Так зачем же обманывать нашу Марию Захаровну и нас всех? Зачем?

Вожатый первого звена Ильдар встал, пригладил свои непокорные волосы и, вытянув перед собой руки, торопливо сказал:

— Ребята... Ну, ребята... Ну скажите, кто? Мы же пионеры. Из-за одного человека пятно на весь класс.

Миша поежился и взглянул умоляюще на Колю: «Не выдай меня». А в глазах друга он читал: «Трус!»

В классе стояло долгое, настороженное молчание, изредка только кто-нибудь кашляет или глубоко вздохнет. Миша

боялся даже дышать. Ему все казалось, что и вожатый, и Мария Захаровна, и все ребята смотрят на него и ждут, ждут, когда он встанет, когда он скажет: «Я, я сломал». «Встану, скажу, — решил, было, он. — Из-за одного человека пятно на весь класс. Но ведь я чемпион... Как же это чемпион мог сломать лыжи?» И Миша не встал.

Мария Захаровна вытерла платком лицо и встала, вышла из-за стола.

— Значит, все в порядке. Все живы и здоровы, и совесть на месте. Товарищи пионеры, я хочу посмотреть на первое звено. Покажитесь, пожалуйста.

Медленно поднялись члены первого звена.

— Герои, как на подбор. Скоро в солдаты служить пойдете. Нелегко трусу будет честь советского солдата беречь. Нелегко. — Мария Захаровна укоризненно покачала головой. — Кто сломал лыжу? Не знаете? А ведь он стоит среди вас и не покраснеет даже!

Но Мария Захаровна ошибалась. У всего звена лица были красные, и никто не смел поднять на Марию Захаровну глаз. Миша взглянул на Колю и прочел в его взгляде: «Смотри, вот мы, целое звено, встали из-за тебя. Нам всем стыдно, а мы стоим, молчим и слушаем несправедливые упрёки. Сознайся, Миша». «Нет и нет», — упрямо твердил про себя Миша, — теперь уже поздно. Раньше надо было...»

— Не мы, — сказал Ильдар, — у нас нет таких. У нас сразу бы сознались. Не мы...

— Да как же это не вы? — возмутилась Мария Захаровна. — Выходит, я сама, что ли, сломала! Ай-яй-яй, а еще пионеры! Наверное, и в комсомол собираетесь поступать. Стыдились бы...

Меж тем Мария Захаровна подошла к Коле. «Сейчас ко мне, сейчас ко мне», — думал Миша. Коля неожиданно поднял голову и посмотрел Марии Захаровне в глаза. Она погладила его по голове.

— Знаю, не ты.

— Нет, я! — крикнул он. — Я сломал и обманул вас и всех ребят. Стал съезжать с Соколиной горы и упал... Я же всегда падаю. — Закрыв лицо руками, Коля выбежал из класса.

— Вот ведь горечко какое, — сказала Мария Захаровна и вместе с Сережей вышла вслед за Колей.

Глаза всех ребят теперь устремились на Мишу.

— Ты был с ним вместе и знал, что Коля лыжу сломал, — обратилась к Мише вожатая. — Почему ты молчал? Если у твоего товарища не хватило мужества признаться, ты должен был рассказать все. Ты же пионер!

Миша опустил голову и ничего не ответил. Сколько раз за эти минуты он пытался сказать: «Я это сделал». Но не мог.

Коля слышал, как Мария Захаровна и Сережа звали его. Но зачем он им нужен? Пусть что хотят, то и делают. Немного успокоившись, он спросил себя: правильно ли он сделал? Должно быть, правильно. Во-первых, он спас авторитет чемпиона школы, во-вторых, все равно бы Миша не сознался, и тогда на всех позорное пятно: звено обманщиков. А как же иначе? Конечно, его теперь исключат из списка участников лыжного кросса. А он так готовился к этому дню! С Соколиной горы ему очень страшно было съезжать, но он решил во что бы то ни стало быть участником кросса.

Коля долго ходил по улицам кишлака. Наконец он решил зайти к Мише, хотя ему было очень неприятно встречаться с другом.

Миша сидел в кухне прямо на полу и, держа в руках сломанную лыжу, раздумывал, как крепче соединить ее. Он решил обить надломленное место железом.

Коля молча сел на стул. Миша, не зная, что сказать другу, вытащил из портфеля список.

— Вот, смотри. Я включил тебя в первую десятку. Но ты напрасно выскочил, как-нибудь прошло бы. Понимаешь, не мог я признаться. Как посмотрю на ребят, язык отнимается.

— А я вот смог, — Коля взял список, перечитал фамилии.

— Дай ручку...

Миша поспешно принес ручку. Рука Коли дрожала, и, когда он зачеркивал свою фамилию, черта получилась кривая. Еще и еще проводил он пером по своей фамилии, чтобы нельзя было ее разобрать.

— Ты думаешь, почему я на себя взял твою вину? Думаешь, чтоб ты меня записал в первую десятку? Эх ты! Я не хочу, чтобы наше звено считали самым плохим во всей школе. Вот...

Коля сидел, Миша стоял рядом. Молчали. О чем они могли теперь говорить? Коля считал, что ни о чем. А Миша искал дружеские слова, но слов таких он теперь не мог найти.

Плохо спал в эту ночь Миша. «Струсил, струсил, и товарища подвел, — думал он. — Сказал бы сразу Марии Захаровне, и все. Никто бы не узнал». Он сел на кровать, обхватил руками колени. Ему не хотелось показываться в школе. Будут думать, что он чемпион, а он липовый чемпион, трус самый первый. Что он теперь напишет в Игарку?

Начинало светать. Запели разноголоса петухи, залаяли собаки. Встала мать.

— Ты чего, сынок, ворочаешься? Еще рано, спи.

— Спи, спи, а сама всегда рано встаешь.

Мать засмеялась:

— Мне надо.

— А я вот не могу спать. Эх, мама, ничего ты не знаешь.

Мать подошла к кровати сына, взглянула ему в глаза.

— Что с тобой? — тревожно спросила она.

Миша ничего не ответил, а только вздохнул. «Надо сказать, надо сказать», — думал он, но язык словно окаменел.

— Ой, мама, плохо я сделал... стыдно мне.

Миша вдруг обхватил мать и прижался к ее шее. Мать гладила его короткие жесткие волосы и ждала слов сына. И сын, торопясь, сбиваясь, боясь, что мать не поймет его, рассказал все. Как будто прежним было лицо матери. Но что-то изменилось в этом родном лице. В глазах появилась грусть, собрались на висках непрошенные морщины. Никогда их раньше не видел Миша.

— Мама, не сердись на меня... Я же чемпион. Что скажут ребята?

— И ты всех обманул? И Марию Захаровну, и ребят? Вставай, — вдруг строго сказала мать, — вставай, иди и сейчас же расскажи. Признаться никогда не поздно.

Миша зарылся в одеяло и молчал, мать глубоко вздохнула.

— Ты опозорил не только свое звено, свой класс, но и мать свою. Спасибо, сын... Не этому я тебя учила. Пионер разве может так поступать?

— Я расскажу, мама, только после кросса. Кросс закончится, и я сразу, сразу все расскажу.

Мать покачала головой.

— Делай как знаешь. Но помни, ты очень, очень огорчил меня.

Миша чуть не опоздал на урок. Чем ближе он подходил к школе, тем медленнее были его шаги. «Не ходить в школу

нельзя», — твердил он. Как ему хотелось повернуть обратно! «Первый урок — алгебра, самый любимый предмет, — думал Миша. — А я даже в учебник не заглядывал. Спросит Анна Ивановна или не спросит? А может, не спросит».

Около своего класса Миша встретил вожатую.

— После уроков обсудим список участников кросса, — сказала она Мише. — Список при тебе?

— При мне.

Вожатая внимательно посмотрела на Мишу.

— Ты бледный какой-то.

— Это просто так, — ответил Миша и торопливо вошел в класс.

Коля уже сидел за партой и читал книгу. Он отодвинулся на край парты, когда сел Миша.

— Какая книга? — спросил Миша.

— «Молодая гвардия», — не отрываясь глазами от страницы, ответил Коля.

Обычно Коля немедленно начинал рассказывать прочитанное. Рассказывал он всегда увлекательно. Но сейчас он словно не замечал друга. Дочитав страницу, Коля захлопнул книгу — скоро звонок, нужно подготовиться к уроку. Миша перебирал в портфеле книги и с волнением ждал начала урока. «Лишь бы сегодня не спросили, завтра я выучу», — думал он. Но его спросили. Анна Ивановна, удивленная молчанием Миши, подошла к нему.

— Что с тобой, Миша, болен?

— Нет.

Миша опустил глаза. Он слышал удивленный шепот ребят. Кто-то даже пытался подсказать ему. Но Анна Ивановна строго посмотрела в сторону подсказчика.

— Что же, молчать будем? Садись.

Анна Ивановна медленно вывела в журнале двойку.

— Анна Ивановна, не ставьте двойку, может, Миша болен? — вступился вожатый звена Ильдар Мамашев.

— Миша сказал, что он здоров.

Ребята недоумевали: как же так, лучший математик класса, и вдруг двойку получил.

На перемене ребята окружили Мишину парту.

— И почему ты не выучил? — удивленно спросил Сережа.

— Это невозможно, — разводил руками Ильдар Мама-

шев. — Круглые пятерки, и вдруг двойка. Это невозможно! Миша, а Миша, ну скажи что-нибудь.

Ребята ждали слов Миши, а он, нахмутив брови, уставился невидящим взглядом в свои ладони и не говорил ни слова.

— Вечером мы к тебе придем, — сказал Сережа.

Когда прозвенел звонок с последнего урока, в класс вошли Надя и Мария Захаровна с конвертом в руках.

— А ну, пляши, — сказала Надя. — Миша, чего же ты сидишь? Восточка из Игарки. Пляши!

Бывало, как только Мария Захаровна объявит, что письмо из Игарки, Миша начинал отбивать чечетку. Здорово у него получалось! А Мария Захаровна хлопала в ладоши и притаптывала ногой. А сейчас Миша только вздохнул.

— Вот горечко мое, и письму, кажись, не рады, — удивилась Мария Захаровна. Кто-то из ребят шепнул ей, что Миша двойку по алгебре получил. — А-а, тогда понятно.

Сережа распечатал конверт и стал читать письмо: «Вчера, в выходной день, состоялся лыжный кросс в честь нашей любимой газеты «Пионерской правды». Был сильный буран, и ветер как раз дул встречный. Директор школы сказал нам, что, может быть, перенесем кросс на следующий выходной. Но мы ни за что не согласились. Очень трудно было идти на лыжах».

И Миша сразу представил: метет пурга, холодный ветер старается сбить лыжников, а они упорно идут и идут вперед. «Если бы я был в Игарке, первым пошел бы. Обязательно первым...»

«Опишите подробнее, как-вы провели кросс и сколько всего участников было».

— До кросса осталась одна неделя, — сказала вожатая. — Теперь у нас много хороших лыжников. Я думаю освободить Мишу от тренировочных выездов. И назначить тренером Сережу. Не возражаете?

Ребята согласились.

— Мише необходимо исправить двойку, — сказал Сережа. — И двойку он получил потому, что день и ночь думал только о кроссе. Мы тебе поможем, Миша.

Миша хотел сказать, что кросс ни причем, что уроки он успевал делать, но тогда спросят: почему же он сегодня не знал урока?

Сережа сказал, что Колю Орехова надо исключить из списка участников кросса.

— Он нас всех обманул.

Коля вздрогнул, губы у него задрожали.

Ребята молчали, им было очень жалко Колю, но ведь он обманул всех!

— Проголосуем, — предложила Надя.

Почти все подняли руки. Сережа считал и сбивался.

— Сейчас я пересчитаю, — повторял он.

Коля часто моргал глазами, на лбу у него заблестели капли пота.

— А кто против? — спросил Сережа.

Поднялась одна рука. Миша медленно встал с места.

— Я против. Против, — заикаясь, сказал он, — потому что я... я... Он не виноват... Я сломал, — с ожесточением произнес Миша. И он поднял на ребят глаза, наполненные слезами.

В ДРУГОМ КЛАССЕ

Сергей решил войти в класс с веселым, независимым видом. Однако почувствовал, что веселого вида у него не получилось. Он оглянулся на дверь, хотелось выбежать, потому что все смотрели на него, как ему показалось, насмешливо, а этого он терпеть не мог. В своем классе сейчас, незаметно для учительницы, соорудил бы физиономию...

Ученики удивленно уставились на Грачева: зачем Лариса Сергеевна привела его?

— Сережа Грачев теперь будет заниматься у нас, — пояснила учительница и легонько подтолкнула Грачева. — Сядешь с Людой.

— А я не хочу! Ни за что с ним не хочу! Он хулиган! — закрутила головой Люда. — Он вчера меня так толкнул...

— То, что было раньше, не нужно вспоминать.

— Какая недотрога, — Ленка Федоров хихикнул. — Садись к нам, Серега. Нам и втроем не будет тесно.

Сергей благодарно взглянул на Федорова и пошел было к его парте, но учительница строго сказала:

— Грачев сядет с Людой.

Девочка отодвинулась.

Урок шел своим чередом. Грачев сидел как на иголках. В этом классе его тоже знали и, наверное, ничего хорошего от него не ждут. Вот если бы совсем не знали... Нет, наверно, не привыкнет к другому классу, напрасно попросился. Друга бы завести. Настоящего. Но как завести? Он не умел сблизиться с ребятами, потому что считал себя лучше их, смелее и сильнее. Он привык к таким, которые подлизывались к нему, никогда с ним не спорили, не возражали. А если кто и осмеливался — подносил кулак к носу: «Получить хочешь!» Вначале он думал, что его ребята уважают, а они просто побаивались его и не были с ним искренними. Разве это друзья? В том классе ему стоило только захотеть — и все бы с ним дружили. Он просто пренебрегал всеми... А здесь как быть? Унижаться, предлагать: «Хочешь быть моим другом?» А кто поверит в его дружбу? Ведь вся школа знает, какой он...

После уроков Грачев не пошел домой. Сыпал мелкий дождь. Подняв воротник, он направился к скверу. В этот серый холодный мартовский день здесь никого не было. Люди спешили, какое им дело до Грачева? Он сел на мокрую скамейку и, не обращая внимания на дождь, размышлял. Теперь ясно: в том, старом, классе его никто не любил. С первого по шестой учился он с ними, всегда хотел, чтобы его все боялись. Про него плохо говорили на сборах, на родительских собраниях. Родители предостерегали своих детей, чтобы с ним не дружили: он плохо влияет на весь класс.

«Неужели я такой плохой, что со мной нельзя дружить? — Грачев посмотрел на свои ладони, сжал их. — Да, дрался... И вот я сижу один, совсем один... И некому сказать, что я неплохой человек. Ну почему я должен быть плохим? С кем поговорить?... Один я».

Это одиночество он впервые особенно почувствовал, когда вошел с Ларисой Сергеевной в новый класс. «Я с ним не сяду... Ни за что не сяду! Он хулиган!» Он видел испуганные глаза Люды. И как стремительно пересела она на край парты. Испугалась как зверя какого-то...

Домой он пришел вечером. Отец чистил картошку. Оля и Вера, младшие сестренки, сидели на диване притихшие.

— Где болтаешься? — спросил устало отец. — Мать на скорой помощи увезли.

— Пойду к ней.

— Сегодня нельзя, завтра пойдешь.

— Тогда давай почищу картошку.

— Покорми девочек...

Отец торопливо накинул плащ и ушел. Сергей поджарил картофель. Сестренки ели молча, поглядывая на брата. Он сел за стол, чтобы решить задачу по математике. Старался вдуматься в условия, но перед глазами всплывало утомленное болезнью лицо матери... Нет, он не сможет ждать до завтра, пойдет сейчас в больницу.

— Никуда не уходите, я скоро приду, — сказал он сестренкам.

— К маме, да! — обрадовалась младшая. — Приведи, Сережа, ее домой. Пусть она дома лежит, а мы все-все будем де-лать в комнатах, а ты будешь по магазинам ходить.

«Глупые, — подумал он, — так маму и отпустят, если увезли на скорой помощи.

Открыв книжный шкаф, Сергей пошарил на полке в углу и вытащил мелочь, сэкономленную на обедах. Скапливал для сигарет.

В гастрономе он взял два пирожных. Осталось двадцать копеек. В табачном отделе постоял у витрины. «Нет, лучше куплю двести граммов леденцов для Оли и Веры...»

Чем ближе к больнице, тем больше он ускорял шаг. Перед глазами стояло заплаканное лицо матери. А если с ней что случится, не поправится? Если она... нет, нет. Сейчас он матери все скажет.

В проходной больницы дежурный был неумолим:

— Приходи завтра. Сегодня не приемный день.

— Дядя, мне очень нужно маму увидеть. Я в школе был... Скорая помощь приехала за ней.

Дежурный внимательно посмотрел на Сергея.

— Ладно, сейчас узнаю. Фамилия?

— Грачева... Мария Алексеевна Грачева.

Дежурный заглянул в список.

— Она лежащая... Вот что, друг, иди по этой аллее, увидишь надпись: «Терапевтическая». Там дежурный врач, поговори с ней. Попроси хорошенько, может, пустит.

В небольшой комнате со стульями и кушеткой его встретила женщина в белом халате.

— Ко мне, мальчик? — спросила она.

— Мама тут лежит. — Он угадал по ее лицу, что она скажет: «Сегодня не приемный день», — и заторопился: — Мне очень

важно... Обязательно надо увидеть маму... Грачеву Марию Алексеевну.

Врач, как и дежурный в проходной, внимательно посмотрела на Грачева, улыбнулась и подала ему белый халат.

— Не обязательно надевать, накинь не плечи.

Они пошли по длинному, светлому, пахнувшему лекарствами коридору. Врач открыла дверь, у Сережи разбежались глаза. Несколько кроватей. Где же мама?

Она лежала у окна в углу. Протянула руки к нему.

— Иди сюда, Сергей.

Он сел на стул, не сводя глаз с родного лица. В запавших глазах матери светилась радость.

— Вот тебе, — он стеснительно развернул пакетик с пирожными. — Только они смялись немного.

— Это ничего... — она, вероятно, хотела спросить: «Ну, как у тебя дела?» И он поспешно добавил: — Меня перевели... Все будет хорошо, вот увидишь... Ты только скорее поправляйся... Не беспокойся, папа ушел на работу, а я картошку поджарил и накормил девочек. Они тебя очень ждут.

Женщины на соседних кроватях смотрели на Сережу весело и ласково.

— Сынок-то у вас большой, — сказала одна.

— С ним не пропадешь, — подтвердила другая.

Мать грустно улыбнулась и ничего не ответила. А Сергею очень хотелось, чтобы мать сказала им: «Да, он у меня такой — с ним не пропадешь, дельный парень». Он однажды слышал, как женщина сказала учительнице: «Сын у меня дельный». Тогда он очень удивился, что мать хвалит сына. Сергея мать, кажется, ни разу на похвалила.

И вот сейчас Сергей с горечью размышлял: «Когда-нибудь и ты, мама, скажешь, что я дельный парень... Я все понял: теперь у меня будут друзья... Я добьюсь, что мне будут верить».

...Сергей пришел в школу с тревожным и в то же время радостным чувством. Как бы сейчас к нему не отнеслись в новом классе, он все выдержит. В нем вдруг появилось любопытство к новым одноклассникам: какие они? Как вести себя, чтобы поскорее стать своим, а не «новичком»?

Сергей приоткрыл дверь в учительскую: Лариса Сергеевна сидела за столом с красным карандашом и проверяла тетради.

Ему хотелось подойти к учительнице, но Сергей боялся увидеть ее недоверчивые глаза. Нет, ничего он не скажет ей сейчас. Он больше не будет обещать, делом докажет, что он не хуже других...

Сергей на цыпочках отошел от двери и заторопился в свой класс. За партой сидела Люда, вытаскивала из портфеля тетради.

— Ты чего рано? — спросил он, стоя у двери.

— А ты? — удивилась она.

— Просто так. Делать дома все равно нечего...

Девочка посмотрела на него внимательно, чуть-чуть улыбнулась.

— Не волнуйся, — сказала Люда. — Я знаю, ты волнуешься... Когда в другой класс приходишь, всегда переживаешь.

Он хотел по привычке не согласиться и поспорить, но подумал: «А зачем, ведь она права».

СОДЕРЖАНИЕ

Черные розы	3
Несделанный подарок	10
Председатель	24
Голубь мира	33
Про курицу рябу и хитрых сусликов	39
Спасатели	47
Трудный мяч	52
Магелланы пустыни	57
Соленый фонтан	65
Первый дом	75
Чемпион	81
В другом классе	98

Александр Сергеевич Панов

ЧЕМПИОН

Для детей младшего школьного возраста

Редактор *М. С. Локалова*

Художественный редактор *Ю. А. Пичугин*

Художник *О. А. Бороздин*

Технический редактор *Т. Н. Яковлева*

Корректор *В. Н. Шилова*

ИБ № 635

Сдано в набор 7.01.83. Подписано в печать 5.08.83. Формат
70 × 90/16. Бумага тип. № 2. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. п. л. 7,61.
Усл. кр.-отт. 8,78. Уч.-изд. л. 6,02. Тираж 165000. Заказ 37. Цена 20 коп.

Верхне-Волжское книжное издательство Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 150000, г. Ярославль,
ул. Трефолева, 12.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 150014,
Ярославль, ул. Свободы, 97.

20 коп.

ЯРОСЛАВЛЬ
ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1983